

АЛЕКСАНДР ВОДОЛАГИН

доктор философских наук, профессор,
вице-президент Международной академии ноосферы,
член Союза писателей России

ВОРОХ, ИЛИ ИГРАЮЩИЙ С ОГНЕМ

(Главы из романа)

С неба будут падать горящие камни, и не останется ничего, что не было бы выжженным, что сможет сохраниться и устоять. И все это произойдет, несомненно, до всеожжения, до великого пожара, который охватит землю.

Мишель Нострадамус

Часть первая

I. Панночка из села Песочин

В конце 43-го Алька послала матери на фронт письмо, в котором, между прочим, пожаловалась на отца: тот, мол, последнее время с нею груб и несправедлив, часто не ночует дома, так что ей, Альке, одиноко и страшно. Раздосадовавший тринадцатилетнюю девочку случай состоял в том, что разъяренный отец зарубил Алькину подружку — бурю бесхвостую крысу, которую та подкармливала салом из жалости и симпатии. Мать Альки — яркая, волевая тридцатипятилетняя женщина, вспыльчивая и бескомпромиссная, тут же откликнулась на жалобу дочурки, примчалась под Новый год в Бухару, устроила мужу скандал и забрала девочку с собой в военно-полевой госпиталь. По отцу Алька не скучала. Быстро освоилась в новой военно-медицинской среде, вошла в роль «сестрички» милосердия, ухаживала за ранеными не без удовольствия. Принимала и их ухаживания, не смущаясь, рано почувствовав себя взрослой, восхитительной, неотразимой. Насмотрелась она за два года войны на изуродованные мужские тела, наслушалась стонов и криков — до того, что стала почти бесчувственной. Ни кровь, ни гнойные

раны, ни трупы не пугали ее, не вызывали отвращения. Нередко замирала она перед четырехугольным зеркальцем на подставочке и любовалась собой — такую большеглазой, чернобровой чаровницей в белом халатике: чудо, как хороша! Гордилась она и тем, что смерть совсем не страшит ее, и ждала от жизни какого-то приза за это свое недетское бесстрашие.¹⁾

Война для нее с матерью закончилась в Тильзите. В Москву приехали с трофеями: привезли из Германии круглый стол с четырьмя венскими стульями, черное пианино да мутноватое зеркальце, в которое любила заглядывать Алька. Ну, и еще один пустячок — терракотовую фигурку крокодила, которую девочка нашла на полу в разоренном тильзитском доме над Неманом. Чем-то пленил ее этот бурый, шершавый ящер с изогнутым хвостом. Расположился он на пианино, рядом с фотографией коротко постриженной мамы Зои в майорском кителе. Алька любила, засыпая, смотреть на крокодильчика, навевавшего ей воспоминания о почти забытом — то ли подземном, то ли подводном — прошлом. Взгляд ее тогда стекленел, и она чувствовала себя гибким, скользким, неуловимым существом — то ли рыбой, то ли девой-змеей. Мать же, хоть и смотрела недоуменно с фотографии на эти превращения, помешать никак не могла. В своих причудливых грезах Алька ускользала от тяготившего ее материнского контроля.

Жили они тогда на Цветном бульваре, в коммуналке, в небольшой комнатухе с единственным кривым окошечком. Бывало, глянешь в него, увидишь мрачную подворотню, сырой дворик, куда никогда не заглядывало солнце, и ощутишь вселенскую тоску. Но Алька у окошечка не сидела и никакой особенной тоски не испытывала. Не было у нее для этого времени, потому что приходилось и стирать, и обед готовить к приходу мамочки, работавшей в две смены в институте Склифосовского, в бригаде известного Юдина, и уроки учить. Уставала же она больше всего не от хозяйских забот и не от учебы, а от командовавшей, покрикивавшей мамы Зои. И все же неплохо ей жилось на Цветном бульваре, пока не вернулись с Колымы ее бабушка, тоже врач (но не хирург, а психиатр), с маминной младшей сестрой Галой и зятем. Тесновато стало на четырнадцати квадратных метрах. К тому же сестры не очень-то ладили между собой. Крик иногда в доме стоял жуткий: все спорили о какой-то ерунде, а ведь жили когда-то давным-давно в Туле душа в душу, пели в церковном хоре... Бабушка в этих дискуссиях не участвовала. Алька всегда была на стороне матери, считая тетку свою Галу «ненормальной»: ведь та стрелялась в юности из-за несчастной любви, стащив у Алкиного отца револьвер.²⁾ А в 48-м, после второго ареста мужа, стала просто невыносимой.

1) Французский психоаналитик Жан Лакан обратил внимание на женщин-убийц, влюбленных в собственный образ. Задолго до него это открытие было сделано А. С. Пушкиным в «Сказке о мертвой царевне». (Все подстрочные примечания — автора.)

2) Отец Алины — Леонид служил в конце 1920-х гг. в Харьковском отделе ГПУ вместе с будущим руководителем советской внешней разведки П. А. Судоплатовым. Жена Леонида — Зоя общалась с подругой П. А. Судоплатова, прекрасной «хазаркой» Эммой Кагановой. С тех пор жена и дочь Леонида находились под опекой советских спецслужб.

Не любила Алька свою родную тетку, ох, как не любила! За красоту ее серых, печальных, все понимающих глаз, за утонченность и гордость, граничившую с высокомерием, за то, что та догадывалась, в какие игры играла Алька в детстве с ее наивным, лупоглазым сынишкой — своим двоюродным братцем Жоржиком. Бывало, ловила тетка свою племянницу на вранье, стыдила за неискренность, за фальшь в отношениях с бабушкой, с мамой Зоей. Вот и начала Алька мстить своей тетке, да так тонко, что и не поймашь. То вещицу ее какую-нибудь стащит или уронит за диван, и Галя ищет, ищет до одурения, а Алька, посмеиваясь про себя, говорит: «Не видела, тетенька... не брала, зачем мне ваши очки?» То, наоборот, подбросит на ее полку в платяном шкафу что-нибудь из материнского бельишка, и тогда уже мама Зоя уличает свою сестрицу в рассеянности и недотепстве, бросается на нее перед уходом на работу, как волчица. Потеха, да и только. Совсем у бедной Галы нервы расстроились. Вот сидит она как-то раз на семейном пестром диванчике, Данилевского читает — «Княжну Тараканову». Входит Алька, бросает школьную сумку, не глядя на свою блаженную тетку, и за пианино, и давай долбить указательным пальчиком «Чижик-пыжик...».

— Перестань, Алина! — просит ее Галя. А та продолжает громче, наглее.

— Прекрати брэнчать! — уже кричит Галя. — Затравила меня своим Чижиком, вредина!

— А ты, тетенька, не вопи на меня и не командуй здесь, — отвечает Алька надменно, продолжая свое садистское музицирование.

— Так я убью тебя, дрянь ты эдакая! — вскакивает с дивана Галя и хватается со стола хрустальную вазу.

Алька шмыг у нее под рукой и в коридор, к телефону. Звонит мамочке: так, мол, и так, совсем тетка спятила, чуть вазой не прибила. Мама Зоя по такому случаю прислала, не медля, двух санитаров, и повязали возмущенную Галу, и увезли в лечебницу на станцию Столбовую. Алька такого поворота не ожидала. Притихла, затаилась. Стала искать в бабушкином «Руководстве по психиатрии» описание теткиной болезни. И ведь нашла! Ясное дело: шизофрения.³⁾ И расхотелось Альке поступать в мединститут, хотя и чувствовала она себя прирожденным медиком и знала, что главное в медицине — сила воли.

Бабушка попыталась забрать свою младшую дочь со Столбовой. Не получилось. А Зое уж было не до сестры. 31-го декабря 49-го познакомилась она где-то за праздничным столом у друзей-хирургов с главным инженером крупного металлургического завода и, кажется, влюбилась. А тот не просто увлекся — предложил Зое выйти за него замуж и увез с собой в Сибирь. Алька одобрила мамочкин выбор: Глеб Сергеевич был мужчиной солидным, в пенсне, чем-то напоминал Берию⁴⁾, говорил баском, многозначительно покашливая, да и деньги у него водились.

3) Алина любила «диагностировать» ближних, неосознанно проецируя на них свои психические особенности. Ей очень нравилось сводить всех с ума, записывать в «шизофреники».

4) Берия Лаврентий Павлович (1899–1953) — оболганный Н.С. Хрущевым соратник И.В. Сталина. Работал по заданию партии большевиков в мусаватистской контрразведке в Баку, за-

Перед отъездом из Москвы, в январе 49-го, мама Зоя получила ордер на комнату в новом доме, построенном для медицинских работников недалеко от метро «Сокол», на улице Новопесчаной⁵⁾. Переезжали же с Цветного бульвара и обживали новое место уже без нее — вдвоем с бабушкой.

Квартирка на первом этаже оказалась замечательной. Соседей было меньше, чем на Цветном: врач-стоматолог Иезавель с сыном Артуром, студентом философского факультета МГУ, да одинокая медсестра Нина. С Артуром Алька кокетничала без удержу, целовала философа на кухне, мучила в темном коридоре. До того дошло, что заговорили о свадьбе. Но не спешила тогда с замужеством чертовка: любила она по-настоящему только братца своего двоюродного Жоржика, учившегося в ленинградском Горном институте. Кроме того, был у нее на примете и официальный жених — морской офицерик из Ленинграда, сын мамочкиной фронтовой подружки Сильвы. Приезжал жених в Москву не раз — с подарочками да цветами, как положено, называл Альку невестушкой, торопил, а та все похохатывала и медлила, медлила.

Школу она закончила переростком, девятнадцатилетней девушкой, из-за двух пропавших военно-полевых лет, и поступила в Московский университет, на вечернее отделение исторического факультета. На втором курсе перевелась на дневное — и попала в группу археологов. Сразу же выделилась, потому что из восьми девиц была самой хорошенькой и бойкой. Учились в той группе и четыре парня: Ваня Тархан, Влад из Смоленска, испанец Хосе, тут же прозвавший ее Кармен⁶⁾, и хоперский⁷⁾ казак Валька Хоров, не обращавший на нее никакого внимания, чем и задел ее сразу же. Девчонки «по очереди» влюблялись в Валентина, страдали, признавались в любви, а он все отшучивался. Алька же до поры до времени держалась на расстоянии, присматривалась к нему, взвешивала что-то про себя. В общении же с ним была насмешлива и холодна, как амазонка. Ее бесило, конечно же, что он и не думал волочиться за ней, словно не была она самой обворожительной. Значит, не такой уж он и умный, каким кажется, черт бы его побрал!

тем руководил ЧК в Азербайджане и Грузии; нарком НКВД в 1938–1942 гг., генеральный комиссар ГБ, глава МВД СССР с марта 1953 г.; с конца 1930-х гг. руководил стратегической разведкой СССР (кодовое имя — «Павел»), отвечал за реализацию программы по созданию ядерного оружия.

-
- 5) Так Алина, родившаяся в украинском селе Песочин, оказалась на Новопесчаной, где и начала в 1955 г. строить свой дом на песке, «дом гибели и бедствия».
  - 6) Хосе смотрел в корень: дед Алины по материнской линии — Александр Васильевич вел происхождение от каталонских цыган, предки которых составляли четвертую («проклятую») касту шудр в Древней Индии. Любопытно, что предки Валентина Хорова контактировали с представителями третьей касты — индийскими купцами в Царицыне и Астрахани в XVII–XVIII веках. По отцовской линии Алина унаследовала польскую кровь. В итоге получилась жуткая «алхимическая» смесь: бес-девка на гибель «красным молодцам».
  - 7) Хопер («Притон диких гусей») — левый приток Дона, пограничье русского государства с Диким полем. На берегах Дона и Хопра — древнейших рек Гипербореи (Скифии) — осели в XIV веке первые казачьи общины. Казак — свободный человек, легковоруженный всадник, гузак (*тюрк.*).

Случайное обстоятельство несколько сблизило их. Оказалось, что он уже два года жил на «Соколе»⁸⁾, у своей тетушки — в десяти минутах ходьбы от Алькиного дома, так что после занятий нередко возвращались они вместе, и нельзя было сказать, что он провожал ее⁹⁾. В августе же во время первой археологической экспедиции она впервые почувствовала свою власть над ним. На раскоп ехали через Харьков, Симферополь, Керчь¹⁰⁾ — городишко «зело паршивый», но с руинами древнего эллинского храма, на возвышении. 2-го августа прибыли на самоходной барже в станицу Таманскую. Жаркими днями рылись в земле, искали «материальные остатки» погибшей цивилизации — Тмутаракани¹¹⁾. А лунными ночами бродили по откосу над морем, подолгу сидели в травах и говорили, говорили... Валентин хоть и поражал ее своей начитанностью, иногда нес жуткий бред. Уверял ее, например, что легендарный князь-солнцепоклонник *Хорив*¹²⁾ — его предок. О Тмутаракани же такое напридумывал!

— Тараканы тут ни при чем, глупышка, — разъяснял он смысл названия древнего княжества. — «Тьма-таракань» значит множество тарквиниев, то есть часть троянцев, пришедших в Приазовье после падения Трои. Другая же часть осела в Италии под именем этрусков и основала Рим, так что у нас — скифо-сарматов, славные предки, и Москва в самом деле — «третий Рим».

— Какой же ты фантазер, Валюша, — не верила ему Алька. — Если так рассуждать, выходит, что загубленная княжна Тараканова — наследница царского рода Тарквиниев, а речушка наша на «Соколе» — Таракановка — загнана под землю врагами Тарквиниев-Троянцев. Какая-то вечная война, бессмысленное преследование, безумная месть!..

— А что? Мысль любопытная...

— Все! Пошли! — возмутилась Алька.

Еще одна ночь без поцелуев! Ну, не балбес ли? Как-то перед обедом пошли бригадой к морю: Валентин с фотоаппаратом, Алька и еще три подружки. Девчонки сбросили одежды, кинулись с хохотом в воду, а он фотографировал. Тогда и Алька обнажилась и замерла перед ним на песке в позе «пено-рожденной» Афродиты, но с шаловливой улыбкой. Да, эротический натиск нарастал. Нужно было как-то реагировать на все эти вызовы. А Валентин все тянул, прятался в сон. Вот и в тот августовский день задремал в палатке после обеда. Тогда Алька бесшумно с хитрой, заговорщической гримаской вползла к нему в палатку с мокрым комом глины и пальчиком нарисовала на его обгоревшей спине стрелу, прошептав: «Теперь ты мой, мой!..»¹³⁾

8) Сокол — в египетской мифологии воплощение солнца, символ Гора — мстителя за своего отца Осириса.

9) Явная предуготовленность их встречи и будущего «адского супружества».

10) Керчь входила в состав Тмутараканского княжества.

11) Тмутаракань, или Таматарха, — «еврейский город хазарского царства» (М. Павич).

12) Возможно — прозвище князя, побывавшего в древней Иудее на священной горе Хорив в пещере, где некогда ночевал пророк Илия, совершавший магические манипуляции с «огнем пожирающим», добиваясь консолидации забывших о Боге соплеменников.

13) Приемам приворота Алина научилась у своей бабушки в Харькове Прасковьи Ивановны — матери отца.

А лунной ночью — снова вдвоем на обрыве. Трели цикад. Шорохи кукурузы. Алька хозяйничала: расстелила полотенчко, достала коньяк, кружки, овсяное печенье.

— Наливай! — скомандовала она и, зажмурившись, первая опрокинула полкружки, как научили ее бойцы в госпитале.

Валентин смотрел на нее с изумлением: «Вот так Кармен!..» Выпил — догнал. Размяк, подобрел, захотел обнять ее. Но Алька оттолкнула его, хмельная, смешливая, вскочила ему на спину и приказала: «Скачи к морю!» Тот сбежал вниз с нею, чертовкой, за спиной, и они с хохотом рухнули в воду...

И стал казак Хоров на время ее пленником. Не зря ворожила она над ним, поминая «тараканьи тропы». В Москве же, осенью, опять отбился от рук, опять зажил какой-то своей дурацкой жизнью, смешанной с грезами о будущей писательской славе. И однокурсницы липли к нему, раздражая Альку, вынуждая ее интриговать, сплетничать, торопиться. А тут еще совсем некстати появился под Новый год лупоглазый братец Жоржик и вел себя довольно-таки глупо — по-жениховски. Валентин после той новогодней ночи чуть ли не охладел к Альке, вообразив себя глупо обманутым. К тому же и Артур бросал на него насмешливые взгляды, когда он появлялся в коммуналке на Новопесчаной, и нервировал маячивший на горизонте ленинградский офицерик.

Весной 54-го отношения их совсем запутались. Гуляли за Таракановкой¹⁴⁾, ссорились, ломали сирень. Только в августе, на Волге, на раскопках сарматских¹⁵⁾ курганов у них снова наладилось, когда Валентину повезло или померещилось, что он нашел фрагмент жреческой колесницы¹⁶⁾ и приоткрылась ему тайна мировой истории: то явное, то скрытое противоборство скифов-солнцепоклонников и многоликих их антиподов — посланников подземного мира Тьмы. От такого прозрения наполнилось все существо его ликованием. И с Алькой стал поласковее. Опять оказались вместе в Тамани. А потом, проплыв вдоль Черноморского побережья, высадились в Сухуми, добрались до Тбилиси, вскарабкались на гору Давида. Глянул Валентин с той горы на утопавшую в солнечном свете

14) Река Таракановка — приток Ходынки, место, где в прошлом располагался приют монахов-отшельников. Рядом с руслом Таракановки — на месте снесенного кладбища, где покоились участники Первой мировой войны, — был разбит парк. Таракановка связывала живых с «Нижним миром», в котором обитали убитые. Говорили, будто после того, как Таракановка ушла под землю, она стала вытягивать силы из живущих поблизости людей.

15) Сарматы вытеснили скифов из страны Гиперборейской. Позднее сюда пришли аланы, гунны, затем — хазары, печенеги и половцы.

16) Откопанный Валентином в сарматском кургане фрагмент «солнечной колесницы» свидетельствовал о принадлежности сарматов к гиперборейско-аполлонической традиции. Колесо колесницы могло быть и знаком арийского бога Савитара — «владыки сияния и света». Через 50 лет после этого эпизода его сына — Хорова-младшего — будет занимать вопрос, не потревожил ли тогда его отец, занявшийся «запрещенной археологией», могилу жреца. Суевверное сознание подсказывало ему, что любой элемент человеческого — «Серединного мира» — связан со стихиями «Нижнего мира» и «Верхнего мира». Поэтому манипулирование реликвиями — это рискованное для человека призывание неведомых сил, игра с огнем.

землю, глянул на слепившее Солнце и почувствовал в себе невероятные силы и готовность к борьбе. «Только Солнце меня не обманет!..» — сверкнула в его сознании фраза из еще не родившегося стихотворения. Алька же все заглядывала в его восторженные глаза, мысленно записывая его восторг «на свой счет», и ждала, ждала развязки и предложения. Но жениться Валентин не хотел. Снова сбежал от нее и уже один поплыл по Волге на пароходе «Грибоедов»¹⁷⁾. В Астрахани метался по пыльным улицам, разыскивая дом своего детства, куда привезли его, трехлетнего, из Сталинграда. И не нашел. Потом заехал на две недели в станицу Новоанненскую, купался в Бузулуке¹⁸⁾, рыбачил, охотился в ближнем лесу, читал Ключевского. В Москве же так расхрабрился, что решил порвать с Алькой навсегда. И тогда она придумала хитрый ход...

II. Дети Сталинграда

Детство Вальки Хорова сгорело в гигантском костре, в который гитлеровские бомбежки превратили в августе 42-го его родной город. Отец, отвечавший тогда в городском комитете обороны за эвакуацию¹⁹⁾ раненых, женщин и детей в Заволжье, вытащил его с младшим братом Юрочкой из подвала пылавшего дома, привез на пристань. Катер с детьми уже отчалил, а через несколько минут — вспыхнул, подбитый налетевшим «мессершмиттом», и затонул. И Волга с тех пор стала для Вальки черной рекой смерти, в которую не хотелось и входить, которая не держала его и не манила, когда уезжал из Сталинграда. Второй раз Бог уберег его от гибели в 46-м, когда они с братом в устье реки Царицы расстреливали из «вальтера» бешеных крыс, и одна из них, недобитая гадина, кинула двенадцатилетнего Юрочку. Тот заболел страшной болезнью. Отец усил Вальку в Артек, а когда тот вернулся, брата уже не было. И вот в свои четырнадцать лет, при живых родителях и сестрах, Валька вдруг почувствовал, что остался во вселенной совершенно один — навсегда один. Учился он отлично, без напряжения. Читал жадно, проглатывал все, что отец выписывал из Москвы по списку. Рисовал акварелью с наслаждением — но не то, что видел вокруг, не город-пустырь с выжженной землей, а свои сны и видения — какие-то безымянные моря да океаны с пиратскими фрегатами, тропические леса и горы. Ночами иногда кропал стихи. Начал вести дневник. Записал, как в ноябре 43-го город встречал Сталина, а в 44-м — генерала де Голля.

17) «Волга — текучее древо русской жизни... С Волги открылось нам: река Жизни России, славящая в низовьях дух вольницы, в верховьях — дух раскола. Неуспокоенность в социальных и духовных исканиях есть самое жизнь России» (А. Белый). В XVIII веке волжский низ, Дон и его притоки — вольные края России, где не раз закипали народные волнения: «воровские» походы Степана Разина, 1667–1671 гг., астраханское восстание 1705–1706 гг., движение бахмутского атамана с Хопра Кондратия Булавина 1707–1708 гг., война Емельяна Пугачева 1773–1774 гг.

18) Бузулук — приток Хопра. Все хоперские казаки были заядлыми рыболовами и охотниками.

19) Удалось спасти от гибели около 300 тысяч сталинградцев.

Расспрашивал отца об обороне Царицына²⁰⁾, о хоперском и волжском казачестве, о дедах и прадедах. Отец ему кое-что приоткрывал, о главном же умалчивал, потому что имел высокий чин в сталинской номенклатуре предвоенного призыва и понимал гибельную цену лишнего слова. Как-то отец повез на своей «Победе» Михаила Александровича Шолохова по местам боев в 42-м, захватил с собой и Вальку — как фотографа²¹⁾. Запомнился мальчишке тот знойный майский день; осознал он, слушая автора «Тихого Дона», какая жажда томила и мучила его с четырнадцати лет, понял, что должен сам написать о Царицыне, о Волге — Черной реке²²⁾ — так, как никто еще не писал. Но начнет он с истоков, с корней, будет копать и докопается — уяснит, зачем пришли в этот мир предки и потомки походного атамана Хорова.

Лето 1949-го. Самое безмятежное, исполненное блаженных предчувствий собственной гениальности, лето его жизни. Последние каникулы. Валька на госдаче в Латошинке²³⁾ один. Чуть ли не каждое утро — к пруду с удочкой, где в туманах встречал восход розоватого солнца. И в один из таких июньских туманно-розовых утренников появилась у воды длинноногая, черноглазая девчонка, сбросила на песок пестрое платье, кинулась в дымившийся пруд, поплыла, стремительная, гибкая, бесстрашная. Валька окаменел. Так и стоял с удочкой, глядя не на поплавок, а на купальщицу. Выходила же она на песок не спеша, отжимая черные змеившиеся волосы, затаив улыбку, будто знала, что чьи-то восторженные глаза следили за ней. А солнечные капли сбегали, сверкая, по ее смугло-золотистой коже, и все юное тело ее сияло светом неутоленной любви. Ну мог ли тогда задыхавшийся от неизведанной страсти Валька предположить, что и через десять, и через тридцать лет в Москве будет тайком, ночами, рисовать акварелями то июньское утро, прибрежные заросли и ступающую на песок нагую купальщицу — первую свою русалочку?..

Уходя в прилипшем к бедрам платье, оглянулась со смехом, помахала ему рукой и исчезла за соснами. Забилось Валькино сердце, как пойманная

20) Первоначальное название Сталинграда — Царицын — дано по названию реки Царицы (от татарского слова Сары-су — Желтая река). Сначала крепость Царицын находилась на острове, позднее город-острог был заново отстроен на правом берегу Волги и контролировал Волго-Донское междуречье, где еще в VII веке осели хазары. В XVII веке Царицын превратился в опорный пункт для продвижения русских в Индию, которое, помимо коммерческих соображений, мотивировалось иррациональным влечением к обретению утраченной родины. В каждом событии, по словам Ж. Делеза, обнаруживается «мощь вечного возвращения». Эту скрытую мощь ощущали в своей жизни все Хоровы. Она их подпитывала и воодушевляла, требовала осмысления и выражения в слове. И каждый из клана Хоровых был воплощением «воли к мощи».

21) У Валентина сохранилась фотография: его отец и М. А. Шолохов, расстелив в степи «скатерть-самобранку», дегустируют знаменитый букановский самогон.

22) Так называли Волгу в древности, и такую она стала в августе 1942 г., когда под гитлеровскими бомбежками горела разлившаяся по реке нефть.

23) Дачный поселок Сталинградского обкома ВКП(б). С прорыва в районе Латошинки 23 августа 1942 г. ударной группы 6-й полевой армии генерал-полковника Ф. Паулюса фактически началась битва за Сталинград.

птица. «Ну, контра!..» — подумал он в восхищении. Весь день прошел для него в тревоге и томлении, подобном иссушающей тело жажде. Забросил он и «Человеческую комедию», которую осваивал том за томом, потому что глаза его уже не видели строк, а видели смуглую, слепившую красотой своей девушку с черными кудрями, будоражившей улыбкой и разбойничьи-ми глазами. Валька бродил по опустевшему в будни поселку, искал, не мелькнет ли волнующий силуэт среди стволов неподвижных сосен, и чувствовал, что счастье переполняет его. А вечером она наконец-таки появилась. Вылетела навстречу на велосипеде, затормозила. Усмехнулась, глянув в его распахнутые голубые глаза:

— Привет!

— Привет, — выдавил из себя смущенный Валька.

— Кажется, мы уже виделись сегодня? Поиграем во что-нибудь?

— На бильярде? — обрадовался Валька.

— В бильярд я не умею. Если только ты научишь меня...

В ее голосе слились затаенная нежность и отвага — желание рискнуть.

И вот, когда уже голубоватые сумерки затопили Латошинку и ароматы жасмина ударили в голову, они встретились у разбитого бильярда и в мягком свете под старинным абажуром начали свою игру. Сначала Валька учил ее держать кий, учил целиться и забивать. И срывались у нее удар за ударом. И бестолково сталкивались и разбегались к бортам шары, не желая попадать в лузу. Но она не отчаивалась. Была старательна и напориста. И Валька с восторгом наблюдал, как скользил коричневый с прожилками кий между большим и указательным пальчиками ее прелестной руки, как колыхались под желтым сарафаном и манили ее маленькие смуглые груди. А она, промазав в очередной раз, прятала свое лицо, отворачивалась, чуть не плача: «Ну, что же это такое?! Хватит! Мне надоело...» Обрушившийся на Латошинку ни с того ни с сего дождь помешал им прервать игру, отрезав от всего мира, и они в бильярдной, как на острове в час шторма, искали спасения, прижимаясь друг к другу дрожащими телами, и она ловила его горячие, пересохшие губы своими трепетными и влажными губами, запрещая говорить о любви.

Звали ее Верой, и была она старше его на целый год. Тем летом Валька внезапно окреп, возмужал, ощутил «запах и вкус божественной силы», перестал робеть и сомневаться в тайном своем предназначении. И казалось ему тогда, что Вера с ним — навсегда. Поэтому и признался он ей в своих мечтах о писательской жизни, о том, что собирал материалы для исторического «романа века», который вызревал в его голове, и она не скрывала своего восхищения и готова была ехать с ним «куда угодно».

Осенью, гнусной осенью 49-го, новый удар обрушился на семью Хоро-вых. Валькиного отца, бывшего третьим по влиянию человеком в области, сняли с должности по доносу. Исключили из партии. Угроза ареста была

реальной²⁴⁾. Спасли его «москвичи» — Г. М. Маленков²⁵⁾ и Н. С. Хрущев²⁶⁾, бывший член Военного совета Сталинградского фронта. Вызвали в столицу, предложили работу, «спрятали» в Союзе писателей, благо был повод: Хоров-старший успел опубликовать книгу о Царицыне-Сталинграде. Тогда и вкралась в текст досадная ошибка. В словах Сталина о «компартии как своего рода ордене меченосцев внутри государства Советского, направляющего органы последнего и одухотворяющего их деятельность», обнаружилась типографская подмена: вместо «ордена меченосцев» напечатали «орден крестоносцев». Для непосвященного — вроде одно и то же. Но в агитпропе ЦК ВКП(б) знали: «ратью современных крестоносцев» называли фашистов. Что же это вы, товарищ Хоров, приписываете Иосифу Виссарионовичу? Автор, конечно, возмутился: из опечатки политическое дело раздувают. Был он слишком прямолинеен, этот потомок атамана Хорова: говорил что думал, писал о том, что сам видел и прочувствовал, невольно умаляя «роли» вышестоящих товарищей. Одним словом, сняли. Сняли «ни за что». Валька был потрясен. Остались они без средств к существованию — мать-учительница с дочерьми двух и одиннадцати лет, он — десятиклассник без перспективы. Из Москвы отец присылал крохи, обещал перевезти и семью, как только получит жилье.

В школе у Вальки начались неприятности: учитель математики взял его «на карандаш», проинформировал «кого нужно» о политической неблагонадежности подростка. Подсуетилась и литераторша Марья Андреевна —

-
- 24) В этот период (1946–1951) Министерством госбезопасности руководил бывший начальник Главного управления военной контрразведки «СМЕРШ» Виктор Семенович Абакумов, расстрелянный (после пыток в холодной камере «Лефортово») в декабре 1954 г. по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР. Его жена с двухмесячным ребенком была арестована и помещена в «Матросскую тишину».
- 25) Маленков Георгий Максимилианович (1902–1988) — внук царского полковника, двоюродный, выдвигенец Л. М. Кагановича, который представил 23-летнего «вундеркинда» И. В. Сталину. Был дружен с руководителями НКВД Н. И. Ежовым и Л. П. Берией, отвечал в сталинском руководстве за кадровую политику, курировал органы госбезопасности; официальный преемник И. В. Сталина. Прозвище — Маланья. Был «умен и осторожен, как дикий кот». В 1953–1955 гг. — председатель Совета министров СССР, член президиума ЦК партии, с 1948 г. — первый секретарь ЦК, с 1943 г. — генерал-лейтенант. После смерти Сталина поддержал предложение Л. П. Берии о преодолении «культы личности». В 1955 г. предложил осуществить другую идею Берии: воссоединение разделенной союзниками-победителями Германии. В старости обратился к православию. Жил в доме своей матери в поселке Удельная, где и Хоровы несколько лет снимали дачу.
- 26) Хрущев Никита Сергеевич (1894–1971) — выдвигенец Л. М. Кагановича, второй секретарь (1932) и первый секретарь (1935) МГК ВКП(б), первый секретарь ЦК КП(б) Украинской ССР (1938), был членом Военного совета Сталинградского фронта (1942). Первый секретарь ЦК КПСС (1953–1964), председатель Президиума Верховного Совета СССР и председатель Совмина СССР (1958–1964). В окружении И. В. Сталина играл роль шута, никогда не противоречил «хозяину». После смерти Сталина перехватил инициативу Маленкова и Берии, выступивших с критикой «культы личности». Став в 1953 г. первым секретарем ЦК партии, постепенно расправился со всеми своими соратниками-сталинистами, исключая А. И. Микояна. По указанию Н. С. Хрущева были уничтожены архивные документы, свидетельствующие о его активном участии в организации массовых репрессий на Украине.

настрочила донос в МГБ о том, что Хоров-младший, дескать, проповедует среди одноклассников худшие стороны толстовства, не совместимые с «научной идеологией рабочего класса». Валька, конечно же, ничего не проповедовал, но Пьер Безухов очень ему нравился, потому что и себя он иногда ощущал таким же точно лопоухим Пьером. Толстого он боготворил всего целиком, без изъятий, и «Войну и мир» читал почти с религиозным трепетом, как христианин — Новый завет. Ну и изумился же он, когда, шляясь как-то после уроков по городу, заметил за собой эмгебешный «хвост». Оторвался он тогда без труда, вскочив на проползавший мимо трамвай, хотя, может быть, и не нужно было ему отрываться. В общем, золотую медаль ему в июне не дали. Вручили серебряную. И отправился он в Москву — поступать на истфак МГУ. Вера же с ним не поехала, как обещала, то ли потому, что запретили ей любить «неблагонадежного» Вальку, то ли потому, что сама влюбилась в другого — рыжего Клима из 9-го класса, с которым Валька видел ее пару раз весной на набережной.

Поступил Валька в университет без особых усилий, быстро втянулся в столичную жизнь с ее бесконечными возможностями. Забыл о прежнем. Два года они с отцом ютились у тетушки, младшей сестры матери, на «Соколе», питались кое-как, занимались кто чем: отец готовился к защите докторской диссертации; сын заглатывал том за томом из полного собрания сочинений Льва Толстого, простаивал ночами в очереди, чтобы подписаться на пятитомник Флобера, закреплял свой немецкий, учил французский и испанский, играл в юношеской футбольной команде «Динамо». Но не было в его жизни любви, о которой мечтал, а лишь ее «смешное подобие» — то с одной, то с другой однокурсницей. В мае же 52-го забрезжило в его жизни что-то новое, пронизанное сладким дурманом черемух, запахами не просохшего после зимы леса на Левобережной, куда приезжал он не раз после занятий с Алькой, где бродили они часами, обсуждая «Красное и черное», невольно следуя стэндалевской логике «кристаллизации» чувств²⁷⁾. Алька была восхитительна, умна, самоуверенна и, как ни странно, «политически подкована». Он чувствовал себя рядом с ней робким теленком, путался в словах, только что не мычал. Как-то в сумерках у сосны, к которой прижал ее в долгом поцелуе, пробормотал, теряя рассудок: «Контра!..»

— Что, что?! — возмутилась она и с силой оттолкнула его.

27) Чтобы понять страсть, нужно говорить о ней как о болезни, полагал Стендаль. Термин «кристаллизация» был введен им для обозначения той «совокупности странных фантазий, которые представляются правдивыми и даже не подлежащими сомнению относительно любимого существа». Влюбившийся человек впадает в безумие, которое доставляет ему величайшее наслаждение. Перестав соображать, он теряет вместе с тем и способность воспринимать предмет любви «таким, каков он на самом деле», и наслаждается преимущественно своими собственными иллюзиями относительно возлюбленной. Стендаль употреблял слово кристаллизация для обозначения «акта безумия, открывающего нам все красоты и виды совершенства в женщине, которую мы любим». Таким образом, кристаллизация — это болезнь мужской психики, некая «лихорадка воображения, благодаря которой женщина, большей частью заурядная, становится неузнаваемой и превращается в исключительное существо».

Да, был такой неприятный момент. А в другой раз, в начале июля, когда, дурея на такой же эротической волне, он спросил шепотом, чего бы ей хотелось «больше всего», она брякнула: «Съездить в Харьков, поесть помидоров!..»²⁸⁾

На раскопе в Тамани была она при нем неотлучно, так что он даже устал. И когда 24 августа оказался один в Краснодаре, почувствовал облегчение — облегчение двойное, поскольку остался наедине с собой, как Марк Аврелий, и без чемодана. Еще в поездехватило его приятное брожение полуснов-полумыслей — то необычное состояние, которое он впервые изведальетом 49-го в Латошинке. И вот в такой веселящий миг творческого самозабвения у него и стянули чемодан. Утащили моментально и совершенно незаметно. О, ужас! Чемоданишко-то был так себе, обыкновенная дрянь. И жалеть о нем было нечего. Сокрушался же Валька единственно о пропавшем дневнике, в который записывал вычитанные им и поразившие его мысли и некоторые собственные наблюдения — для будущего романа. Восстановить записи девяти лет — возможно ли такое?!

Из Краснодара Валька направился в Сталинград. Хотел ли он повидать Веру? Кажется, нет, тем более что знал о ее замужестве. И было у него всего несколько часов, чтобы побродить по городу, постоять у заросшей бурьяном воронки, напоминавшей о разбомбленном в 42-м родительском доме, спуститься в зловещий овраг к Царице, где играл с братом. И вот на Аллее Героев увидел он Веру с Климом. Та, бросив удивленного мужа, кинулась к Вальке, плача, смеясь, осыпая лицо его страстными поцелуями. Сумасшедшая!

Всю ночь в летевшем к Москве поезде думал о ней, вспоминал летний вечер в латошинкинской бильярдной, и поцелуи, и новые ощущения под шум дождя. Мучили его эти воспоминания, хотя кроме них ничего не осталось от той надломленной временем любви. На рассвете же, когда сверкнул внизу под мостом знакомый канал и глянул в лицо сентябрьский лес на Левобережной, Валька решил поставить точку на прошлом и начать совершенно новую жизнь — без дневника, без самоедства и сомнений в правильности своего выбора. В Москве его ждала чудесная девчонка, своенравная, но преданная; ждали любимые книги и письменный стол, за которым он напишет шедевр — роман своей будущей славы. Что еще нужно для счастья?

Осень прошла в хлопотах. Отец получил двухкомнатную квартиру на Тверском бульваре, 25. Мать привезла сестренку из Сталинграда. Наконец-то вся семья в сборе. В университет на Моховую теперь можно было добраться пешком — по бульвару, через Никитские ворота и улицу Герцена. И каждое утро Валька эдаким одиноким мечтателем вышагивал привычный маршрут, вслушиваясь в голос своего гения, мысленно равняясь на кумиров своих — титанов минувшего века: Бальзака, Стендаля, Флобера, Мопассана, Толстого и Чехова²⁹⁾. Так для себя обозначал он вершины писательского

28) Помидор — «яблоко любви» (Ж. Мишле).

29) Любопытно, что Валентин не брал во внимание своих великих соседей по Тверскому бульвару, 25 — Б. Пастернака и А. Платонова. Последний был лишен в его глазах ореола гениальности сварливой супругой писателя, выгонявшей мужа в нижнем белье из дома на мороз.

мастерства, выстраивая ступени своего восхождения к совершенному овладению магией слова.

Между тем у отца снова начались неприятности. Какой-то поэтишка³⁰⁾ цыганского вида, прибывший из Кишинева и поступивший в Литинститут, накарябал очередной донос: мол, доцент Хоров в своих лекциях по истории СССР с белогвардейских позиций освещает историю казачества³¹⁾. И снова разбирали отца на партбюро. Дошло дело до Комиссии партийного контроля, до самого Матвея Шкирятова³²⁾. Вызвал прославленный «чистильщик» партии отца на Старую площадь и спрашивает при злобещем молчании членов КПК:

— Что же это ты, сукин сын, опять за свое?.. Казаковать?!

А отец ему:

— А не пошел бы ты к такой-то матери!..

Призадумались члены. Неспроста ведь товарищ Хоров послал заместителя председателя к разэтакой матери. Видно, есть еще у сталинградца могущественный покровитель в Кремле³³⁾. Но из партии все-таки исключили. Генеральского звания лишили. Правда, на работе оставили: некому было читать будущим советским писателям историю СССР. Однажды задрезжал в квартире Хоровых черный телефон, мерзко и требовательно задрезжал. Взял Валька трубку, оставив остывать недоеденные щи.

— Вас слушают!

— Мне нужен Хоров Михаил Александрович.

— Он на работе. Кто его спрашивает? — полюбопытствовал Валька.

— А почему Вы отвечаете вопросом на вопрос? Представьтесь.

— Хотелось бы знать, кому я должен представиться?

— С Вами говорят из Министерства госбезопасности.

— Валентин Хоров.

— Вот оно что! О тебе-то я и хотел поговорить с твоим отцом, Валентин. А ты ершистый парень! — усмехнулся эмгебешник. — Сможешь сего-

30) Речь о поэте-кляузнике, подписавшем в 1993 г. коллективное письмо «демократически настроенной интеллигенции» Б. Н. Ельцину с требованием физической расправы над депутатами Верховного Совета РФ.

31) Поводом к доносу стало упоминание в лекции М. А. Хорова о родине атамана Алексея Максимовича Каледина — станице Усть-Хоперской. Генерал А. М. Каледин (1861–1918) — герой Первой мировой войны, основатель Белого движения на Дону в 1917 г. Доносчик не знал о снисходительном отношении И. В. Сталина к «белой гвардии», о том, как генсек любил иногда после обеда с соратниками петь белогвардейские песни. Известно, что в феврале 1919 г. основная масса казаков Хоперского округа перешла на сторону советской власти. М. А. Хоров был «делегирован» во власть «красным» казачеством. Не всегда ему удавалось гасить в себе дух бунтарства, унаследованный от вольнолюбивых предков.

32) М. Ф. Шкирятов — член Президиума Центральной контрольной комиссии ВКП (б), человек Л. М. Кагановича, сотрудничал с Л. П. Берией.

33) После войны Г. М. Маленков предложил М. А. Хорову переехать в Москву и возглавить один из отделов аппарата ЦК ВКП (б). Тот предпочел остаться на работе в родном Царицыне-Сталинграде и, в результате, едва не угодил под расстрел по так называемому «сталинградскому делу», сфабрикованному в провинции с оглядкой на «ленинградское дело». Маленков эту инициативу «товарищей на местах» не поддержал.

дня подъехать? Нет? Ну, ладно, давай встретимся в воскресенье на Чистых прудах. Вернем тебе твой чемодан...

Нельзя сказать, чтобы Валька очень обрадовался. Чемодан — ерунда, чемодан — повод, а говорить-то с ним будут в МГБ не о чемодане, это ясно. Об отце, скорее всего, об отце...

В воскресенье 14 декабря Валька вышел из дома пораньше, затемно, чтобы подышать и не спеша на морозце все обдумать. Отец в напутствие сказал ему: «Сынок, лишнего не болтай и, знаешь, в крайнем случае ссылайся на меня...» В 10 утра, когда Валька промерз уже основательно, отбивая у метро чечетку, появился грозный эмгебешник лет пятидесяти с фантастическими усами, почти как у Сальвадора Дали. Зашли они в здание Главного почтамта³⁴⁾, расположились в просторной, полупустой комнате на первом этаже. Сальвадор запер дверь изнутри и, покручивая ключ на оттопыренном пальце, кивнул в сторону чемодана:

— Твой?

— Кажется, мой.

— Проверь, чтоб не казалось.

Валька присел на корточки, приоткрыл крышку.

— Мой, мой. Спасибо.

— Вещи-то все на месте?

— Вроде все.

— Ты присядь, — предложил офицер госбезопасности, придвигая стул к своему ободранному канцелярскому столу. — Куришь? Нет? Ну, а я с твоего позволения...

Закурив, он со зловещей улыбкой вытащил из ящика стола тетрадь в твердом черном кожаном переплете и хлопнул ею у Вальки перед носом.

— А это что? Твоя тетрабочка? — прошептал он довольно-таки свирепо.

— Моя, — признался Валька.

— Ну, давай почитаем. Вот ты тут пишешь, что предки казаков — скифы-сарматы — доходили до Египта за 20 веков до н. э., проникали в Пенджаб, в Индию, где якобы образовали правящий класс — род Сакиев, из которого и вышел Сакия Муни, то есть Будда. Откуда ты все это понадергал? Из какого белогвардейского источника? И что это за слово такое — «индоскифы»³⁵⁾?

Тут в дверь постучали. Сальвадор прервал чтение и впустил в комнату человека лет сорока со спокойным, приятным лицом. Тот глянул на Вальку приветливо, кивнул.

— А у тебя разве не выходной? — спросил он майора.

— Да вот, приходится с юным историком разбираться, — пояснил Сальвадор, торопливо гася папиросу и предлагая вошедшему свой стул.

— Иди, Алексеич, отдыхай. Хватит мучить мальчишку. А ты, Валентин, думай впредь, о чем можно писать, а о чем — нет, — сказал вновь прибывший, когда майор вышел из комнаты. — Дело, конечно, не в Сакии Муни и не

34) Почтамты тогда находились в системе Главлита — 11-го управления НКВД.

35) Валентин хотел раскопать индоевропейские корни рода Хоровых — прирожденных огнепоклонников.

в Мережковском, хотя не пойму, на кой ляд они тебе... Дело в другом. Вот, например, ты тут о приезде Сталина говоришь, о визите де Голя в Сталинград пишешь, высказываешь свои оценки. Зачем тебе это? Не лезь ты в политику. Историк, а уроков прошлого не учишь. Повезло тебе в этот раз. Окажись дневник твой в плохих руках, отдуваться бы тебе за свои записки лет десять — как минимум. Ступай, догуливай воскресенье. Бате привет от меня передавай...

Валентин выскочил на Мясницкую с горящими ушами, ошеломленный: его чуть не завербовали! Где же он видел раньше этого своего тайного доброжелателя? И когда? Не в сорок ли четвертом — в делегации генерала де Голя? Ну и ну!

III. Вторжение в «страну мертвых»

Встретили 1953-й год без шума и гама. Алька сообразила задним своим умом: не время веселиться, все же «дело врачей»³⁶⁾... Как там мамочка в далеком Сталинске? Но настал-таки праздник, и на Пурим умер товарищ Сталин³⁷⁾, при котором родились, выросли, повзрослели. И хотя приходилось еще штудировать перед зачетами и экзаменами его гениальные труды, чувствовалось, что началась новая полоса в жизни страны. И дышалось той весной как-то по-новому. В университете развязались языки и у профессуры, и у студентов. Не стало Вождя — потеряли точку отсчета и несомненный ориентир, пахло разномыслием, как бывало всегда на Руси в смутные времена.

Прилетела из Сибири мама Зоя, встретилась с хирургом Юдиным³⁸⁾, только что выпущенным из Лубянской тюрьмы. Сидели они в доме для медработников на Новопесчаной за круглым столом, попивали чаек — вспоминали, как вместе в мединституте экспериментировали на крысах, как оперировали после войны без дыхания в Склифе. Но отвлёк их ненадолго телефонный звонок. Заглянула в комнату соседка Иезавель и шепотом:

— Зоя Александровна! Вас...

Подошла к аппарату мама Зоя, послушала и вернулась с каменным лицом.

36) «Дело кремлевских врачей» было сфабриковано МГБ за спиной его шефа В. С. Абакумова по сценарию Г. М. Маленкова с использованием докладной записки зав. кардиологическим отделением кремлевской поликлиники Л. Ф. Тимашук на имя начальника Главного управления охраны генерал-лейтенанта Н. С. Власика об обстоятельствах смерти А. А. Жданова 30 августа 1948 г. Зоя Александровна не раз рассказывала своему внуку (Хорову-младшему) об этом эпизоде и никогда не жалела о том, что после возвращения с фронта в Москву оказалась работать в Кремлевке, устроившись на работу в Склиф.

37) По одной из версий, И. В. Сталин — «Аман XX века» — был отравлен 1-го марта 1953 г. Судебное заседание по «делу врачей», назначенное на 6 марта, не состоялось. В смерти вождя, готовившего новую волну репрессий, были заинтересованы тогда все его ближайшие соратники. Не исключено, что «чаша, ядом налитая», о которой писал в одном из своих юношеских стихотворений 17-летний Иосиф, была поднесена ему Берией. Известно, что созданная в 1920-е гг. «фармацевтом» Г. Ягодой лаборатория ядов работала без перебоев.

38) Юдин Сергей Сергеевич (1891–1954) — выдающийся хирург, создавший в Москве свою клиническую школу. Был увековечен художником М. Нестеровым, написавшим его портрет. Репрессирован в 1948 г.

— Не понимаю, как они узнали, что вы у меня... Просят вас заехать на Лубянку, забрать зубы... Извините. — Изменился в лице хирург Юдин, встал и окаменел — сам не свой. Алинка же строчит себе блузку у окна на трофейной машинке Зингер³⁹⁾, наблюдая краешком глаза немую сцену. М-да...

А в конце мая новая экспедиция — в Нижнее Поволжье, к сарматским курганам. Тут Вальке пришлось откапывать первых своих мертвяков. Ух, и не нравилось же ему это гребкопатательное дело. Алина же всячески ему перечила, поучала, воспитывала.

— Не думала, что ты такой суеверный, — говорила она. — С чего ты взял, что сарматы твои предки? Втемяшилось ведь такое! Ну, хоть бы и предки. Что ж такого? Я вот два года смерти в глаза смотрела и с тех пор покойников не боюсь. А тут не покойники даже, а так — отдельные косточки.

— Ты не понимаешь, — пытался Валька объяснить ей свое состояние. — Пусть здесь лежат и не мои предки. Кто бы ни был — нехорошо тревожить их прах, хотя бы и «в интересах науки». Нехорошо. Есть поверье, по которому вторжение в царство мертвых вызывает наружу всяческих упырей и мар и они преследуют тех, кто совершил кощунство, всю последующую жизнь — пока не истребят окончательно.

— Чушь! — отрезала Алина. — Откуда ты все это взял? Я тебе скажу: даже прадед мой, человек набожный, проще относился к смерти. Сколотил себе гроб и ложился в него спать. Как это тебе?

— Что ж? Так он понимал смерть, ведь она, если верить буддистам, подобна погружению в сон...

В конце 54-го Валькин друг-однокурсник Влад женился на дочке генерала МГБ. Из загса приехали в роскошную трехкомнатную квартиру на Фрунзенской набережной. Захотелось и Альке, как никогда, замуж. Не маяться же всю жизнь в коммуналке! Вот только жениха богатого не найти. Все рвань какая-то. Один Валентин подавал надежды. Такой, казалось ей, добьется в жизни немало. На Дальний Восток по распределению она с ним, конечно, не поедет. Как тут не позавидовать беспечным молодоженам, начинавшим жизнь в Москве на всем готовом? Гуляли до утра. Пили немерено. И в разгар веселья подошел к Вальке один из гостей лет сорока пяти с приятным лицом и таинственной улыбкой и тихо сказал:

— Ну что, Валентин, заканчиваешь университет? Мы тут посоветовались с твоим батькой: зачем тебе уезжать из Москвы? Приходи после праздников ко мне — потолкуем.

И оставил номер служебного телефона. Валька на этот раз сразу узнал его — своего тайного доброжелателя из сопровождения генерала де Голля⁴⁰⁾. И стало ему, хмельному, вдруг тоскливо и одиноко. Подошел он к танцевавшей паре, разбил ее, рванув к себе Алину, и сказал ей решительно:

39) Эта швейная машина была подарена Алине отцом, который между прочим рассказал ей о ликвидации германской агентуры, работавшей в России накануне Первой мировой войны под прикрытием сети дистрибьюторов фирмы «Зингер».

40) В это время один из друзей юности М. А. Хорова — отца Валентина — стал заместителем начальника Главлита, другой — готовивший встречу «тройки» в Тегеране — работал в разведуправлении КГБ СССР.

— Алька! Давай поженимся...

И настал вскоре тот серенький февральский день, когда они расписались и Валька переехал со своим шерстяным одеялом с Тверского бульвара на Новопесчаную. Разве что в шутку тот первый месяц их брака можно было назвать «медовым». Видно, не был Валентин создан для коммунальной жизни. Слишком уж часто приходилось соприкасаться с соседями, отчего он сжимался, столбенел, начинал говорить не своим голосом. Короче, было ему на Новопесчаной *не по себе*. А тут еще Алькина бабушка, интеллигентнейшая старушка, любительница ночного чтения, не позволяла расслабиться. Какой уж тут роман? Жалкий рассказец не напишешь. И не раз, и не два пожалел он о своих сорвавшихся в дурном угаре словах «Давай поженимся...» и, как Пьер Безухов, мучил себя вопросом: «Зачем я сказал: *же вуз эм?*»⁴¹⁾

В мае же молодожены защитили дипломные работы. В аспирантуру их не пригласили. И Валентин закрыл для себя навсегда тему «Тмутаракань». 15 августа вышел на работу в Главное управление по охране военных и государственных тайн в печати⁴²⁾, а Алина устроилась учителем истории в среднюю школу — недалеко от сметенного бульдозерами еврейского кладбища. В ноябре же родила ему сына — вместо дочери, о которой мечтала, — и нарекли его Александром.

«Мальчик получился ничего себе — здоровенький, — писала Алина мужу из роддома. — Курносый. Глазки-незабудки — как у папы...»⁴³⁾ Сообщала также ему о своих страхах: недавно крысы в роддоме покусали младенца. Скорее бы выписали...

Валентин был в смятении: не мог он сразу свыкнуться с новой ролью отца. Назвали мальчика в память о двух прадедах Александром. Один из них — походный атаман Войска Донского. Другой — профессиональный революционер, которому в 1905 г. жандармы в Туле башку проломали, и лежал он, умирающий, в светелке у сестер своих, и звал невесту Марию из Швейцарии. Получила девушка письмо от жениха своего перед Рождеством, бросила учебу в Цюрихе⁴⁴⁾, оставила кассу Владимиру Ильичу Улья-

41) М. Шелер обращал внимание на то, что гипноз возник в качестве вспомогательной функции при спаривании и служил для погружения самца (или самки) в состояние летаргии, сна наяву. Этот феномен был описан В. В. Розановым.

42) Главлит — с 1953 г. Главное управление по охране военных и государственных тайн в печати — был создан 6 июня 1922 г. декретом Совнаркома для осуществления политико-идеологического контроля за издательской деятельностью в СССР и защиты информации военно-экономического характера. К 1927 г. Главлит стал монопольным аппаратом цензуры над всей информацией, циркулировавшей в СССР, тесно связанным с органами государственной безопасности. Некоторое время функционировал в виде 11-го Управления НКВД.

43) В 2007 г. датские генетики установили, что общий предок голубоглазых людей жил 10 тыс. лет назад на берегу Черного моря. Голубой цвет глаз — результат мутаций и признак особой одаренности. Все Хоровы — голубоглазые.

44) Прабабушка Хорова-младшего (по материнской линии) Мария Михайловна — родом из яснополянских крепостных крестьян, выпускница толстовской школы — изучала в университете Цюриха психиатрию, слушала лекции К. Г. Юнга, почитателем которого стал и ее внук; позднее окончила в Петербурге Психоневрологический институт.

нову (Ленину)⁴⁵⁾, у коего в тот момент в связи с поражением русской революции как раз начался «философский запой» и переосмысление всего и вся, и примчалась в Россию. Выходила Александра Васильевича. Обвенчались. А тот опять — в революцию. Тьфу ты, прости, Господи! И угодил он на этот раз в Петропавловскую крепость. И лежал в каземате связанный, а рядом — такой же профессиональный революционер Михаил Иванович Калинин. Такая вот историческая случайность⁴⁶⁾. Алька про нее любила своим университетским друзьям рассказывать и очень гордилась этой отдаленной близостью к всесоюзному старосте. Поэтому и не возражала, когда Валентин написал ей в роддом: «Назовем сына Александром». Он-то думал о своем любимом деде, а она — о своем.

IV. Рождение провидца

Вначале был Свет — блаженно струившийся вокруг, объемлющий, обволакивающий и пронизывающий своим теплом, убаюкивающий, превращающийся в радость, подобную солнечному сновидению без мысли и какого-либо образа. Было ощущение полета, парения, неимоверной мощи, легкости и свободы. Но вот неведомо откуда пришла Тьма, нахлынула, захлестнула вязкой, тяжелой волной, закрутила и увлекла за собой куда-то вниз, в разверзнувшуюся Бездну. Бог знает, как долго продолжалось это падение, но в конце концов летевший в никуда сгусток света замедлил свое движение, заколебался на одном месте, завибрировал и едва не угас, смирившись с пребыванием в вязкой, темной жиже, проглотившей его. Чудо состояло в том, что, несмотря на обступавший его, давивший и ужасавший мрак, он удерживал в себе пульсацию первоначального Света, сопротивлялся как мог, набухал и разрастался, обретая какое-то каплеобразное тельце, вытягиваясь в змейку и снова сворачиваясь в кольцо, превращаясь в расширяющуюся, завоевывавшую враждебное океаническое пространство сферу. Так постепенно заканчивалась его преджизнь и начиналось то, что называется жизнью...

Ни в Бога, ни в черта Алина не верила. Надеялась на себя, считая себя умнее других и никому не подвластной. В Ленинграде хитрила с Валентином, разжигая его и томя, маня и отталкивая, неожиданно сдавшись, когда он уже хотел бежать от нее. А позднее в Москве наврала, что уже беременна, загнала мечтателя-идеалиста в угол: женись! Ну, и расписались в февралье,

45) В. И. Ленин (1870–1924) — самый выдающийся представитель политического волюнтаризма в России, масон французско-швейцарского посвящения (согласно Г. Бостуничу), создатель по-якобински беспощадной российской партии большевиков. После второго инсульта в феврале 1923 г. просил И. В. Сталина привезти ему яду. Тот пообещал, но не привез. По предположению Л. Д. Троцкого, Сталин все же оказал эту услугу вождю. «Мучается старик...», — рассказывал он на заседании Политбюро. С тех пор и у него появился навязчивый страх отравления по политическим мотивам.

46) Еще одна случайность: в октябре 1973 г. 18-летний правнук Александра Васильевича (Хоров-младший) оказался в Центральной клинической больнице в одной палате с сыном всесоюзного старосты — полковником А. М. Калининным. Вместе слушали «Голос Америки» и обсуждали публикации журнала «Новый мир».

можно сказать, без какого-либо особого повода и причины. Как и рассчитывала она, отец Валентина помог им остаться в Москве и найти работу после окончания университета. Тут бы и пожить для себя! Так нет же: забеременела в самом деле в феврале же! Досадно. Кляла и его, и себя: как же так — ведь соблюла все арифметически выверенные предосторожности, о которых узнала от подруги-медсестры еще во фронтовом госпитале? Выходит, лживое слово, брошенное ею Валентину после ленинградских каникул, заключало в себе какую-то силу. Сама себя сглазила, балда!

Стала Алина капризной и раздражительной. Иногда замолкала на несколько дней и ходила чернее тучи. Валентин терялся в догадках, пытался развеселить ее, утешить. А она делалась все мрачнее и мрачнее — оттого, что увеличивался безобразивший фигуру живот и разливалась по всему ее существу тошнота, от которой не освободиться. И тяжесть инородного тела внутри, и повергавшее в ужас шевеление, а иногда и враждебные удары — просто так, ни за что ни про что. Мысль о родовых муках пугала ее. И начала она тайком от Валентина тягать его тяжеленные гантели и спортивную гирию, принимать ванную чуть ли не с кипятком. Но все зря: выкидыш не случился, ребеночек вызревал упрямый, закалялся во внутриутробной войне. Гадала Алина, отчаявшись и забыв о своем недавнем презрении к суевериям, на бабушкиных картах: сын родится, как хотел Валентин, или дочь? И каждый раз пророчили карты: сын. Зараза! Уж лучше бы дочь! Но вопреки своим надеждам и ожиданиям разродилась темным ноябрьским утром сыном. В тот час невидимое для глаз Солнце раскалилось донельзя и вошло в первый дом Скорпиона, а зловещая звезда Лилит испытала на себе противодействие Сатурна⁴⁷⁾. Об этом, как и о расположении иных светил, вещавших о рождении провидца, ничего не ведала ставшая матерью Алина. Освободившись от бремени, не испытала особой радости. Жертвовать собой, теряя молодость и красоту, ради продолжения рода Хоровых — какая нелепость!

Кормление для нее было пыткой. Каждый раз, уложив младенца в клетку-кровать, замирала перед зеркалом, с беспокойством вглядывалась в свои, терявшие былую прелесть, груди, кусала губы. Кому она теперь такая нужна? О муже она не думала. Муж не в счет. Его удел — обеспечивать семью. Она же — другое дело. Участь домохозяйки не для нее. Через три месяца оторвала младенца от груди, перестала кормить, вышла на работу в школу на Кутузовском проспекте, где директорствовала подруга свекрови, вдова расстрелянного помощника Берии, собиравшего для Сталина компромат на Лаврентия Павловича. После уроков домой не спешила, зная, что безответная бабушка Маня не оставит внука без присмотра, да и Валентину приготовит ужин. Моталась по магазинам, встречалась с незамужними

47) Родившийся в год небывалого (за всю историю наблюдений) максимума солнечной активности, Александр Хоров впитал в себя отцовскую предрасположенность к «солнечному монотеизму» и аполлонической философии жизни и, вместе с тем стал потенциальной жертвой патологической солнцезависимости матери, бессознательно представлявшей враждебный Соколу-Солнцу «принцип Ящера». Звезда — это «вещь божественная», феномен, то есть являющий себя бог. Сосредоточенная в звезде энергия психична, подобно тому как душа — «искра звездной субстанции».

однокурсницами, кокетничала с чужими ухажерами, проверяя, не ослабела ли гипнотическая власть ее черных цыганских глаз. Валентин же тосковал по жене, гуляя с малышом вдоль Таракановки, поглядывая на часы. Нередко по привычке заглядывал к своей тетушке⁴⁸⁾, жившей тут же — на Новопесчаной, располагался на диване с томиком Чехова в ожидании телефонного звонка запаздывавшей по обыкновению Алины, потом спешил к метро «Сокол» — встречать свою взбалмошную «панночку» из села Песочин.

На четвертый год замужества Алина пресытилась семейной жизнью в коммунальной квартире до отвращения: старуха Иезавель со своим Артуром стали ее врагами, с соседкой Ниной она вовсе не разговаривала, Валентин раздражал, как и подросший сынишка, которого в три года выпихнула из дома в детский сад. Мальчик — любимец стариков Хоровых — оказался резвый, как веретено: не хотел ходить по струнке, хоть кол на голове теши! «Не будешь послушным мальчиком, — шипела она, — сдам тебя в интернат...»

Хотела избавиться и от бабушки, отправить ее в Сталинск, да мама Зоя медлила, не уезжала. Не жизнь, а каторга! Бежать бы куда, да некуда! Только работа в школе немного ее развлекала. Нравилось ей овладевать вниманием старшеклассников, завораживая мифами о внутрипартийной борьбе в Политбюро и ЦК ВКП(б) между верными ленинцами и всяческими предателями-уклонистами. При этом она, конечно, догадывалась, что волновало мальчишек в ее рассказах не что, а как (непреклонно-волевая манера поучать), и слепила их ее «неправдоподобная» красота. Хотя был среди девятиклассников один верзила — Ваня Лю Шу Цинь⁴⁹⁾, не поддававшийся ее чарам бабовник. Нахальство его Алина списывала на счет его высокопоставленных родителей, работавших до войны в Коминтерне. На уроках ее он занимался своими делами, не слушал, не вникал, а иногда ставил в тупик нехорошими вопросами, демонстрируя опасную осведомленность. И Алина вступила с ним в тайное противоборство, желая сломать его, подчинить своей воле. Вышло же наоборот: сама попала от него в мучительную зависимость. Летом 1959 года, отдыхая с мужем в Сочи, так скучала по Ванечке, что в сентябре позволила ему ухаживать за собой, занялась, так сказать, «воспитанием чувств» и зашла в этом чересчур далеко. Стала спешно доказывать любовь свою Валентину, заговорила о втором ребенке. И родила ему 6 июня 1960 года дочь. В роддоме тогда ее спрашивали: «У вас что — муж китаец?...»

Старики Хоровы восприняли появление внучки с темными глазками-щелочками настороженно. О недоумениях своих сыну ничего не говорили. Не нравилось им, что Алина назвала дочку Марой⁵⁰⁾ — в память о своей старшей фронтовой подруге. Звали ее просто — Маринкой. О дне рождения

48) Тетушка Валентина — участница обороны Сталинграда, снайпер. После окончания филологического факультета пединститута была приглашена на работу в управление контрразведки НКГБ, позднее работала в одном из московских издательств, не теряя связей с друзьями юности, служившими в Пятом управлении КГБ СССР.

49) Шу — по-китайски крыса.

50) Мара — «ламия», т. е. ночной вампир (П. Киньяр).

ее всегда забывали, не поздравляли, чем обижали Алину и ранили. И стала она Валентина подзуживать, родителей его поругивать за одно, за другое, за третье. Дочку же свою вылизывала, подкармливала, в обиду никому не давала, держала при себе, для себя. Девочка получилась крепенькая, прожорливая и неулыбчивая. Валентин поначалу крутился вокруг нее, хлопотал, спешил после работы домой — искупать ее в ванночке, поиграть перед сном. Но как-то быстро остыл, да и Алина не особенно-то его подпускала к ребенку, шпыняла, отчитывала за неуклюжесть. А когда старшего — Саньку — отправили жить к старикам на Тверской бульвар, 25, Валентин совсем пал духом, ушел в себя, замкнулся. И остался в жизни один интерес — работа.

После рождения дочери Алина ушла из школы: коллеги вдруг перестали с ней здороваться, на вопросы не реагировали. Расположение директора не помогало. И Алина решительно порвала с прошлым, неожиданно для всех оказавшись на службе в партийном научно-исследовательском институте. Размещался он тогда на северо-востоке столицы, на закрытой территории, где до войны располагался штаб мировой революции — Коминтерн, а во время войны — разведцентр и управление контрразведки «СМЕРШ». Обсуждая удачный переход Алины, бывшие однокурсники говорили разное. Связывали его с карьерным взлетом Валентина, с каким-то знакомством Алины в среде бывших сотрудников Коминтерна⁵¹⁾, поговаривали и о ее возможном сотрудничестве с МГБ. Домыслы, конечно же! Никто из сплетников не знал правды, которую Алина таила от всех, даже от Валентина. А правда состояла в том, что еще во фронтовом госпитале начал за ней волочиться подстреленный врагом лейтенант Гриня, знавший ее отца. После войны нашел ее в Москве, на Цветном бульваре, и с тех пор не упускал из виду. В 1950-м пристроил ее на вечернее отделение истфака, через два года — помог перейти на дневное. Он же обратил ее внимание на двух перспективных женихов курса — Валентина Хорова и испанца Хосе⁵²⁾. Этот самый Гриня и оказался в 1961-м в должности старшего научного сотрудника Института марксизма-ленинизма⁵³⁾ и перетянул к себе на работу Алину.

51) Коммунистический Интернационал в 1930–1940 гг. фактически был филиалом советской внешней разведки, осуществлял тайные операции в Западной Европе. Председатель Коминтерна Г. Димитров работал в тесном взаимодействии с иностранным отделом НКВД. С февраля 1938 г. по май 1943 г. Исполком Коминтерна располагался на улице Вильгельма Пик, 4.

52) Система контролировала перспективных молодых людей, подсовывая им обворожительных девушек-агентов, так что выбирать им было, по сути, не из кого: случайные связи не допускались. Спецслужбы по-своему планировали развитие семьи в СССР.

53) Прообразом разместившегося на территории Коминтерна Института марксизма-ленинизма был созданный в январе 1921 г. «русскими марксистами» (иллюминатами-просветителями) институт К. Маркса и Ф. Энгельса. Его первым директором стал один из немногих знатоков марксизма в большевистской среде, начавший пропагандировать идеи К. Маркса раньше В. И. Ленина, Давид Борисович Рязанов/Гольдендах (1870–1938), которого В. И. Ленин называл «опрокинутой библиотекой» из-за сумбура в рязановской голове. Издал первое собрание сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса. Был чересчур критичен по отношению к малообразованным сталинцам. Надоев им со своей иронией и эрудицией, как Сократ — грекам. В апреле 1931 г. был сослан в Саратов, в январе 1938 г. расстрелян сталинцами. В ноябре 1931 г. произошло слияние Института К. Маркса и Ф. Энгельса с Институтом В. И. Ленина в объединенный Институт Маркса-Энгельса-Ленина при ЦК ВКП(б).

Новое место ей понравилось. Обстановка спокойная, комфортная. Питание ресторанное, буфет, заказы с банками растворимого кофе и сыром «Виола», отдых в Подмоскowie по выходным. На работе никто не дергал. Сиди себе в кабинетике — подбирай документы для консультантов, готовивших доклады и публикации членов ЦК и Политбюро. Пришлось как-то покопаться и в личном архиве Сталина. Убедилась (который раз!) в гениальности развенчанного вождя. Гриня, осмелевший в пору хрущевской «оттепели», развлекал ее иногда по-товарищески машинописными текстами Солженицына, от которых, прямо скажем, тюрьмой пахло. Алина, как и положено настоящей коммунистке, читала их с идеологическим отвращением и гневом, но с интересом. И потом ей было приятно чувствовать себя посвященной. Однажды в нарушение всех правил прихватила домой донесения агента НКВД о тайных встречах Н. И. Бухарина с лидерами «троцкистско-зиновьевского блока» на даче недалеко от Всехсвятского кладбища на «Соколе». Хотела с Валентином поделиться, можно сказать, «археологической» находкой. Муж отругал. А бабушка — по слепоте своей или, как уверяла потом Алина, по причине мааразма — выбросила пачку пожелтевших листков на помойку. Алина пришла в смятение. Бегала ночью во двор, перерыла помойные ящики — ничего! Как она тогда не сошла с ума? На работе ждали объяснений пропажи секретных документов. Подозрение пало на уборщицу. Гриня, как всегда, прикрыл свою фронттовую подружку, шепнула что-то кому следует, и Алину оставили в покое, правда, после того случая сослуживцы стали держаться от нее подальше и старались никаких дел с ней не иметь. А когда в 1972 году Гриня неожиданно для всех уехал в Израиль со своей второй (служебной) женой, Алина не очень сокрушалась: ее муж уже работал у Ю. В. Андропова и обеспечивал ей еще более надежное прикрытие. Когда же Валентин, выпив, начинал упрекать жену за дружбу с предателем родины Гриней, Алина вскипала от негодования: она не сомневалась в том, что бывший шершевец выполняет какое-то новое задание на Ближнем Востоке.

V. Впечатлительный младенец

15 ноября 1955-го привезли новорожденного в коммуналку на первом этаже «сталинского» дома на Новопесчаной. И поразили его сразу же бросившиеся в глаза вещи: сверкание холодных металлических шариков на приготовленной для него кровати, белая веревочная сеточка, натянутая по периметру, чтоб не вывалился на пол, красный персидский ковер с причудливым орнаментом на стене, стекавший на тахту рядом, уютнейший оранжевый абажур с бахромой, заросли комнатных цветов на широком подоконнике, книжный стеллаж слева от окна и горы книг на черном немецком пианино, а также — английский замок с защелкой на белой крашеной стеклянной двери. Все это, вместе взятое, почему-то пленило его надолго. Первый «осознанный» выезд его в коляске на знаменитый сквер с фонтаном⁵⁴⁾ состоялся, кажется, в апреле 1956 года. Возможно, тогда же

54) «Знаменитым» этот каштановый сквер с фонтаном еще не был, хотя прогуливались по нему тогда не простые люди: прошедший через «круги ада», побывавший в кабинетах Гитлера и

запомнилось ему и красивое женское лицо, склонившееся над ним со словами: «Сыночек! Солнышко мое!..» Лицо это исчезало надолго. Но рядом всегда была тихая, кроткая прабабушка Маня. С нею — первые, бесконечно долгие годы⁵⁵⁾. Раннее чтение: Ганс Христиан Андерсен, Шарль Перро, Сеттон-Томпсон с его волнующим опытом сопереживания диким животным, птицам. А по выходным — прогулки с родителями, и — сильные руки отца, на которых взлетал высоко над землей, и его сдержанно-радостное, излучавшее божественную мощь лицо. Само собой, всегдашние чаепития, гости, гости, говор, смех, стаканы из тонкого стекла в потемневших серебряных подстаканниках, вишневое варенье в хрустальной вазочке и неизменный вафельный торт.

В июле 1956 года Валентин на два месяца уехал на целину — «догонять» своих сверстников. Снова окунулся в стихию вольницы, ощущая, будто выбрался на время из «придорожной канавы» коммунально-семейной жизни. Вернулся 23-го сентября радостный, соскучившийся, переполненный впечатлениями «здоровой рабочей жизни». И снова кабинетно-чиновничье существование — работа в Главном управлении по охране гостайн. Ко многим тайнам, надо сказать, приобщился он в те годы и стал от этого мрачным-мрачным, не по возрасту сдержанным, молчаливым. Кабинетик его скромный находился в обезображенной большевиками церквушке недалеко от Кремля. И захаживали в этот кабинетик преинтереснейшие люди. Из сверстников же своих ближе других сошелся он тогда с Максимычем. С тех пор шли они по жизни, приглядываясь друг к другу. И когда Валентин полу-

---

Сталина ясновидец Вольф Мессинг (из дома 23/7 по Новопесчаной); бывший нижегородский чекист, участник заговора В. М. Молотова и Л. М. Кагановича в июне 1957 года против Н. С. Хрущева Николай Александрович Булганин (из генеральского дома по соседству со Всехсвятской церковью). Говорили, что захаживал сюда и сам Лаврентий Павлович Берия, посещавший Курчатовский институт и свою квартиру в доме за Таракановкой. В 60-е, появлялся и его спецгент-боевик, Герой Советского Союза Рамон Меркадер, получивший четырехкомнатную квартиру в доме недалеко от станции метро «Сокол».

---

55) Кажется, все первое семилетие своей жизни Хоров-младший ощущал присутствие неких волнующих тайн, связанных с местом его рождения. Эти ощущения сплелись в его сознании с тем, что поведала ему прабабушка Мария Михайловна, рассказывавшая вместо сказок разные случаи из русской истории. От нее он и узнал о том, что несколько столетий назад не было здесь никакого «Сокола», а стояло село «Святые Отцы на Прудах», где некий епископ Арсений построил церковь, и что позднее, при царе Борисе Годунове, встречали тут жениха его дочери Ксении — шведского королевича Густава, увлекавшегося химией и прозванного «вторым Парацельсом». Побывал в этом месте в Смутное время Лжедмитрий Второй (Тушинский вор), зарыл где-то в Песчаном переулке награбленные сокровища. Посещали Всехсвятское русские императоры и императрицы. В 1922 г. здесь случайно оказался В. И. Ленин, с которым Мария Михайловна общалась еще в 1904 г. в Женева, а позднее вместе с братом А. В. Луначарского в Туле изучала ленинскийopus «Материализм и эмпириокритицизм». Словом, не простое то было место. Интересно, что в хоровских публикациях 1990-х годов появляются все эти имена и темы, неосознанно усвоенные им в детстве. Значит, предрасположенность к ним — отсюда? Или ее истоки более глубоки? И их надо искать в прапамяти, постепенно оживающей в каждом из нас по мере изживания жизни? Речь, конечно, не о людях с «короткой» памятью и не о тех, кто вполне обдуманно «творит предательство по отношению к собственным воспоминаниям».

чил генеральское звание, а Максимыч стал директором академического института, они потеряли на некоторое время друг друга из виду, но все ж таки встретились потом в начале 1980-х, посидели в ресторане «Узбекистан» — уже на равных.

Весна 1957 года. Родители, как всегда, непонятно где, а Санька с бабушкой в безлюдном парке. Трава уже высока, солнце пригревает, в траве загадочные голубые цветочки — незабудки, а в них какая-то манящая, беспредельная Тайна. Незабываемое весеннее ощущение таинственности, переполнявшей мир Жизни сразило его, и с тех пор вместе с зацветающими незабудками вспыхивает в душе из года в год. В жаркий майский день возвращался он с родителями через заросли сирени домой. У загнанной под землю речушки Таракановки встретили солдат. Один из них, присев, раскрывает ладони, показывает Саньке воробушка, отдает. Принесли птенца домой, кормили из пипетки. Запутался в марле, задохнулся. Первая увиденная Санькой смерть.

А во второй декаде ноября, когда «палящие скорпионы» празднуют свои дни рождения, получил и Санька подарочек. Поздно вечером появились веселые родители. Прикололи к красному персидскому ковру на стене простыню. Погас в комнате верхний свет и вспыхнул лучик проектора. И увидел Санька на стене огромную крысу Шушару, от которой шарахнулся в сторону несчастный Буратино⁵⁶). О, ужас! Заревел Санька, забился в истерике. Позднее же его, как уже повзрослевшего (все-таки два года!), стали пичкать стишками Корнейчука — повелителя мух, тараканов и комариков. «Крокодил, крокодил, он по улицам ходил...» Санька понимал, о ком идет речь, и очень боялся этого самого крокодила, возлежавшего на мамином комодe перед мутноватым четырехугольным зеркальцем⁵⁷). Иногда, когда Санька болел и метался в жаркой постели без сна, ему казалось, что он сам становится крокодилом, и он даже ощущал шевеление собственного тяжелого хвоста, присыпанного горячим песком. А может быть, мерещился ему и не крокодил вовсе, а какой-нибудь древний Змей-ящер, живший где-то на юге, в Тмутаракани.

Летом снимали дачу в Удельной, жили в развалюхе, зато сад был великолепный, и в нем — много света, тепла, радости. Валентин по воскресеньям располагался на раскладушке под яблоней с томиком Чехова⁵⁸). Сынулька — рядом на одеяльце в траве со своими игрушками. Отпуск у Валентина — в сентябре, поэтому и осенью жили до начала холодов на даче. Хоть и не сбылась

56) Буратино — букв. «деревянная кукла» (*итал.*). Прототипом этого сказочного персонажа был Пиноккио (1790 г. р.), которого в 18 лет забрали в армию, искалечили и затем с помощью врача-волшебника снабдили деревянными протезами. Деревянный нос помог ему устроиться артистом в балаган. Рассказывали, будто Пиноккио разбился, сорвавшись с высоты при выполнении сложного трюка.

57) Некому тогда было подсказать спасительное заклятие: «Уходи прочь, возвращайся к себе, уходи прочь, бог-крокодил, Сун; ты не одолеешь меня, ибо мне помогают заклинанья, которыми я обладаю».

58) К старости чеховская тема — жизнь, переживаемая как нелепость, — станет для Валентина центральной.

его мечта о писательской жизни⁵⁹), забыл-таки он на время о гостайнах и строчил день за днем свой царицынский роман, все раскапывал и раскапывал скифско-сарматские корни хоперского казачества.

В том же 1957-м году проходил Международный фестиваль молодежи в Москве. Валентина привлекли для работы в подготовительном комитете, дали ему переводчика — долговязого Харонтьяна, только что окончившего университет в Джакарте. Тот все вытягивал шею на переговорах и целился клювом своим в висок, как какой-нибудь гриф, ища чем поживиться. А потом взял и накатал докладную о чересчур раскованном поведении Валентина на дружеских встречах с японцами и индонезийцами. Испортил, поганец, праздник. Позднее, в 70-е, когда Харонтьян обосновался в редакции пражского журнала «Проблемы мира и социализма», Валентин, друживший с главным редактором Зародовым⁶⁰), хотел Харонтьяна этого липучего наказать, да пожалел: у того как раз жена легла на сохранение в пражский роддом.

20 мая 1958-го. Поздний вечер. Все спят. Валентин за письменным столом под лампой с белым стеклянным плафоном. Пишет свой дневник, превозмогая усталость и головную боль. Так плохо, что кажется, будто «теряешь вкус к жизни». Работа в Главлите вызывает отвращение. «Все постыло. Осенью обязательно сбегу с этой проклятой работы... Сейчас держу в руках свои блокноты и тетради. Это все, что есть у меня моего, остальное — чиновное, безжизненное...» Отправился на последний сеанс в кинотеатр «Дружба» — смотреть «Пармскую обитель». Да, далеко ему еще до Стендаля, жуть как далеко. Он и дневник-то свой не в силах вести регулярно, не то что писать роман. Жизнь-каторга!

Летом 58-го в Малаховке — на той же дачке, что снимали еще до революции прадед Александр Васильевич и баба Маня. А готовили все так же — на примусе. Запах керосина на террасе. Заросший сад с ветвистыми яблонями — Санькин маленький рай. Прогулки с прабабушкой в сосновом бору. Гремит гром. Спешат на дачу. Обрушивается ливень. Сверкают молнии. Санька просит задернуть занавески, чтоб не страшно было. Печально. Одиноко. А тут еще и прабабушка рассказывает жуткую сказку о медведе на липовой поскрипывающей ноге. Кошмар!..

По выходным наезжают гости. Родители отца — весельчак дед Миша, пугающий своей лысиной, и баба Даша, спокойная, улыбчивая, мягкая. Никогда Саньку ни за что не ругала. Часто, когда наказывали родители непонятно за что, слышал от нее: «Терпи, казак, атаманом будешь!» А им, пряча и спасая внука от родительской расправы в темной кладовке: «С Дону выдачи нет!» От нее, как и от отца, узнавал кое-что о хоперских казаках, о предках своих в станице Новой Анненке и мечтал о неведомой, вольной жизни. Годом позже

59) Валентина тогда привлекал образ жизни писателя-разведчика (Р. Киплинга, Э. Хэмингуэя, Г. Грина).

60) Зародов Константин Иванович — вологодский «славянофил», главный редактор «Советской России», член ЦК КПСС, шеф-редактор международного журнала «Проблемы мира и социализма», штаб-квартира которого находилась в Праге.

начал играть с мальчишками во дворе в казаки-разбойники: тут уж полный казачий разгул, никаких родительских запретов — бегай, ори, лови...

А в декабре 59-го, белоснежном и вьюжном, оказался Санька с прабабушкой в купе трясущегося поезда. Ехали зачем-то в Сибирь. Долго ехали. Не одни: в компании пугавшего кобурой краснощекого милиционера в темно-синем мундире с блестящими пуговицами, жевавшего сало, ухмылявшегося. Поезд медленно вползал в ночной, заснеженный Сталинск. Огни сквозь вьюгу, огни. Ехали через таинственный дымившийся город в черном дедовском «ЗИМе». Здания в предновогодней иллюминации. Где-то под крышей светящиеся заяц и белка куют молоточками чье-то счастье. Все в этом завьюженном городе сказочно.

Вскоре оказались в просторной четырехкомнатной квартире. Хмурая домработница Елена Ивановна — из старообрядцев. Уютные комнаты, коридоры и коридорчики, мебель в белых чехлах, черный рояль в углу, чучела неведомых птиц на шкафах, рогатая оленья голова с живыми глазами на стене в кабинете-библиотеке. На письменном столе — бронзовый колокольчик, старинная чернильница с табличкой: *«Тщательно исследуй состав металлов. Поистине в этом заключается все Делание мудрецов»*. А в коридоре страж всего этого богатства — бегающий от входной двери на кухню и обратно строгий черный пес — Ребус, любимец Глеба Сергеевича. Хищник, конечно, почти волк. Чуть не проглотил Саньку, когда тот попытался угостить его очищенной морковкой. Оставил о себе напоминания-шрамики на детском лице — у губы слева и у правого глаза. Прабабушка недосмотрела. После приезда в Сталинск она ушла на время в тень. На первом плане Алькина мать баба Зоя — шумная, командующая, заботливая — майор медицинской службы, главный врач города. Незабываемые моменты: накатавшись с ледяной горки, появляется Санька весь в мокром снегу. Тут же его тащат в горячую ванну. А после купания — жареная картошка с листьями соленой капусты. Ничего вкуснее не ел... Перед отъездом в Москву шли с прабабушкой в пургу по пустынному мосту. Куда? Зачем? С тех самых пор, наверное, и полюбил он русские метели. Запомнился ему Сталинск на всю жизнь, как и дрожавший на паркетном полу шарик ртути из разбитого градусника — живая душа всех металлов.

А отец его Валентин между тем в Москве в творческой лихорадке ждал ответа из редакций толстых журналов, в которые разослал свой первый (и последний, как оказалось) роман скифско-сарматско-казачий с эпиграфом из Александра Блока *«Да, скифы мы...»* Кое-что зачитывал вслух Альке:

«Ночная степь пахла теплой землей и полынью. Я шел без дороги. Мягко похрустывала под ногами сухая трава. Мои мысли постепенно настраивались на торжественно-философский лад. Я думал о том, сколько же всякого люда побывало до меня в этой степи! Здесь жили и без конца воевали из-за скудных накоплений своего бедного времени те самые люди, скорченные костяки которых так часто встречались нам на раскопках. Грубо слепленный горшок около черепа да полуистлевшие кости — вот и все, что осталось от человека той далекой эпохи. А буй-

ные племена сарматов⁶¹⁾! Где они? Лишь разбросанные в степи курганы напоминают об этих воинственных кочевниках. Страшные полчища гуннов и татаро-монгольские орды видела приволжская степь. Здесь же века спустя металась разбитые отряды отважного Пугачева. Сколько в этих местах началось и сколько оборвалось человеческих судеб! А степь оставалась все такой же равнодушной и безмолвной, как сейчас, как тысячу лет назад».

Алина Валькин роман забраквала:

— Лучше вообще не писать ничего, чем так писать! — отрубил она, прослушав главу. Другая сказала бы: «У тебя есть талант. Работай. Делай то, без чего жизнь для тебя абсурдна...» Но Алине становилось плохо от одной мысли превратиться в жену нищего, никому не нужного писателя. Не о такой участи она мечтала, когда решила женить на себе сына одного из «железных» сталинских секретарей. Валентин же о партийной карьере не помышлял и надеялся прожить лет до сорока по-стендалевски, накапливая впечатления, создавая наброски будущих своих литературных шедевров. И чувствовал себя готовым к борьбе за признание.

Не нравился Алине его настрой, очень не нравился. Раздражал ее романтизм мужа, и начала она на него давить, как могла, демонстрировать свое неудовольствие и разочарование. Замечаниями своими мелкими из себя его выводила либо повергала в недоумение, переставая с ним разговаривать вовсе. В общем, наколдвала так, что чуть ли не парализовала совсем его творческую волю, повергла начинавшего писателя в депрессию⁶²⁾. А тут еще из редакции толстого журнала пришел очередной отказ в публикации — слог, дескать, у вас, Валентин Михайлович, отменный, продолжайте работать дальше в том же стиле, но вот «идейное содержание» вашей прозы, извините, оставляет желать лучшего: во-первых, не учитываете вы в своем творческом порыве «реакционной роли казачества» в истории государства Российского, а во-вторых, не совсем понятно, на что вы, собственно, после Шолохова замахнулись... Стукнул тут себя Валентин по лбу: ну и дурак же он, надо ж было Михаилу Александровичу Шолохову рукопись послать, по старой памяти⁶³⁾, а не своим же коллегам-церберам. Но к Шолохову он тогда обратиться не решился, и отца о посредничестве просить не стал — из-

61) «Сармат» — от «ящероглазый». Издревле сарматы жили у истоков Инда, затем оказались на восточном побережье Азовского моря. Интерес Валентина к «женууправляемым» кочевникам — сарматам — сочетался с необъяснимой неприязнью к амазонкам, которая, тем не менее, не помешала ему попасть в зависимость от Алины. У сына хранится фотография стреляющей из лука 26-летней матери — «вылитой амазонки». Скифы называли амазонок «убийцами мужчин» («оиорпата» — *греч.*).

62) Метафизическая задача Алины, как позднее понял ее сын, состояла в том, чтобы не позволить проявиться гению рода Хоровых. Возможно, она была бессознательным орудием в войне, которую издревле вели «духи народов». Ей была неведома духовная сущность брака, когда из двух духов образуется один, поэтому ее «адское супружество» было непрерывной борьбой за независимость и господство над противником — мужем.

63) М. А. Шолохов был тесно связан с хоперским казачеством через жену — Марию Громославскую — дочь станичного атамана, участника Вешенского восстания против большевиков, спасенного зятем от расстрела.

за природной своей гордыни. А когда пришлось ему позднее, в 70-е, бывать на юбилейных шолоховских заседаниях и приемах, просить великого писателя уже было не о чем: закоснел он в хранении гостайн, угас творческий порыв его юности, и оставалось только пить с казаками, которых Шолохов привозил с собой в Москву «погулять» по случаю...

Снова апрель. Санька у открытого окна. Видит, внизу в палисаднике что-то блистает на земле в солнечном свете. Выбегает во двор. А это стрела с металлическим наконечником, и в ней — нечто сладостно-загадочное, необъяснимое, может быть, связанное с куновскими «Мифами Древней Греции», которые Санька любил листать с младенчества, тогда еще бездумно вглядываясь в бесстрастные лики Аполлона и Артемиды⁶⁴. И вот стоит он у заборчика, вертит в руках стрелу — послание из страны амазонок, смотрит вверх на свое окно первого этажа, смотрит и левее, выше. Видит незнакомую молодую женщину с копной змеящихся волос. Ах, какое красивое лицо! Заметила его красавица. Кивнула, улыбнулась ласково — как родная. И испытал Санька при этом совершенно новые ощущения. Что-то волнующее, обещающее блаженство мелькнуло в ее карих, веселых глазах. Мимо проходит усатый дядя Вася — дворник. Подмигивает, спрашивает: «Сколько тебе лет?» Бежит Санька домой узнавать у мамы. Оказалось, четыре года. Замер он перед зеркалом трюмо и пытается подмигнуть, как дядя Вася. Не так-то это просто — подмигивать. И этому нужно учиться. После нескольких попыток вдруг заметил в зеркале — мальчика, Себя! Так вот я какой! Неужели этот маленький мальчик и есть Я? Странно, что я — такой... пока такой. Мне четыре года... я — это Я!

В апреле пристроили Саньку в детский сад, а до этого мать, взъерошенная, как Медуза Горгона, грозила в праведном гневе за слишком резвое поведение «сдать в интернат» (мерзкое словечко). Поводом же был пустяк: смахнул малец с комода фотографию в рамочке под стеклом — разбил. На фотографии юная Алина в черном купальнике с белым ягненком на руках⁶⁵.

Отводил его в сад отец. Завтракали вдвоем за круглым столом. Валентин — напротив в зеленой полосатой пижаме. Подражая отцу, Санька крошил белый хлеб в чашку с кефиром, разбалтывал ложкой, но ел нехотя. Шли в сторону детсада вдоль Таракановки. Отец на ходу придумывал сказку о разбойниках и рассказывал, обещая продолжение вечером или следующим утром. Саньке это очень нравилось. Решил и сам стать сказочником, то есть почти волшебником, полубогом. Собрал вокруг себя ребят — Женьку Братищева, Володь-

64) Чтение иллюстрированных куновских «Мифов Древней Греции» — первое соприкосновение с миром архетипов «коллективного бессознательного».

65) Родившийся в год Овцы, Александр Хоров спустя 40 лет будет очень дорожить этой фотографией, видя в ней свидетельство того, что еще до рождения был обречен на заклятие: миссия Алины, по его версии, состояла в том, чтобы «пустить под нож» и искоренить весь род Хоровых. Не исполняла ли она бессознательно веление Саваофа об истреблении «всего остатка» солнцепоклонников — и сына, и внука? «Агнец — солнечный центр внутриатомного храма, куда я призываюсь; и куда иду: к себе иду!» (А. Белый).

ку Самсонова, которому воспитательница вымазала однажды геркулесовой кашей лицо — за капризное «не хочу» за столом, еще кого-то и начал импровизировать по-отцовски: «Жил-был повар, у него была собака...» А сам видит «сталинского» Ребуса и думает: что же дальше-то? Кто-то из мальчиков подарил ему медаль с профилем Александра Невского. Санька продемонстрировал подарок дома, когда ужинали. Отец велел вернуть медаль дарителю.

А следующим утром опять шли они — отец и сын — вдоль Таракановки. Поинтересовался Санька, почему так — то день, то ночь? «Объясню тебе вечером», — пообещал отец. Ждал мальчишка этого вечера с нетерпением. И вот, приготовив ему раскладушку, отец, как всегда, дал команду ко сну:

— Сеньор, карета подана!

Забрался Санька в постель, а отец встал перед ним с сине-красным мячом.

— Смотри: вот наша Земля, — сказал он, указывая на мяч. — А это — Солнце, — Валентин коснулся оранжевого абажура, и показал, как Земля вращается вокруг светила и вокруг собственной оси. Синяя половина мяча — ночь, красная половина — день.

— Понял?

И солнечным апрельским утром — снова зашагали вдвоем вдоль Таракановки. Бежали, сверкая на солнце, ручьи. Тайственно поблескивали в лужах разноцветные камушки, извещающая о далеких, сказочных странах. Из сырой земли пробивалась первая сочная травинка. И в ней — какая-то тайна. Что за сила выталакала ее из земли, позволяя расти, зеленеть, радоваться Солнцу? Жук в сине-зеленом панцире — неуклюжий, но целеустремленный скарабей. Осколки стекла, блистающие в песке. Весело в оживающем по весне городе. Празднично. В детском саду на прогулке Санька ходил в паре с Ниночкой Крючковой, которая, как выяснилось через 20 лет, оказалась свибловской подружкой Алины, едва не вышла замуж за ее брата Владимира. Того сцапала хищная дамочка, проживавшая в генеральском доме на «Соколе»⁶⁶). В детском саду научили Саньку новым играм. Одна из них — незабываемая. Сидит он на корточках в центре детского хора, знакомые мальчики и девочки, взявшись за руки, ходят по кругу и скандируют:

Сиди-сиди, Яша, под ореховым кустом.
Грызи-грызи, Яша, орешки каленые, милою дареные.
Чок-чок, пятачок, вставай, Яша, дурачок,
Где твоя невеста, в чем она одета?
Как ее зовут? И откуда привезут?

Первой санькиной «невестой» стала веселая девочка с большими кари-ми глазами и длинной косой. Иногда ее забирал из детского сада старший

66) С женой Владимира Алина познакомилась в 1980 г. в Кунцево и прониклась к ней «неизъяснимой симпатией», признав в ней родственную душу паучихи-мужененавистницы. Последняя попыталась избавиться от мужа спустя 18 лет, засадив его в психиатрическую больницу (довольно-таки популярный в СССР метод разрешения межличностных конфликтов). Друзья Владимира сорвали эту акцию, вытащив приятеля из психушки. Тогда она выставила мужа из купленной им квартиры на улицу и загнала его в конце концов в смерть.

брат-школьник в черной форме с золотистыми пуговицами и фуражке с кокардой. Как-то вечером, когда остались в группе всего двое — Санька и она, безымянная, он смело повалил ее на пол и пригрозил: «Сейчас поцелую!» А девочка та хохотала, но не отталкивала наглеца. Через 20 лет узнал он из книги Б. А. Рыбакова, руководителя студенческих экспедиций в Тамани, что в той детской игре навязывали ему роль вовсе не Яши, а ящера-крокодила, хозяина подводно-подземного мира, выбиравшего себе жертву.

20-го мая Валентин был на съезде писателей. Насмотрелся на мэтров и монстров⁶⁷). Наслушался банальностей. Скучно. Пишет он лучше этих... да видно, не судьба. Саньке невдомек, почему папочка такой мрачный, неразговорчивый. Как-то теплым майским вечером не мог заснуть на своей раскладушке, ворочался, ждал отца с нетерпением. Мать в бигудях шила что-то при свете настольной лампы. В комнате душно, тревожно и как-то пусто от того, что нет отца. Матери его беспокойство непонятно. Забрала у него маленькую подушку и заменила ее на большую, немецкую, чтобы скорее малец уснул. Тогда-то он и почувствовал, что уже вырос, стал «большим».

Летом новое испытание — полный отрыв от семьи на три месяца, пронизанное тоской пребывание в загородном детском саду в Малаховке с чужими тетками. Особенно плохо было вечерами. Лежал без сна на раскладушке и смотрел на темные верхушки елей за окном. Синели сумерки. В палате ребячий говор. Входит воспитательница с угрозами: за забором — цыгане, забирают к себе в табор тех, кто болтает, не спит. Жутко. Когда вырос, часто видел перед сном не блекнувшую от времени картинку: бежит он с девочкой по тропинке в поле и кричит улетающим птицам:

— Птицы! Заберите нас к маме и папе!..

Так и остались в нем навсегда неискоренимое чувство оставленности, брошенности, ненужности и тоска по родному дому, где был он для своей всем и вся недовольной мамыши обузой и помехой. И сверх того — чувство обиды, смешанное с недоумением: не мог он никак понять, почему он «ту-го-дум», «бестолочь» и что такое «координация движений», которой у него, переученного левши, будто бы не было. Ясно было одно — он какой-то не такой, как нужно, и поправить это никак нельзя. Ни удивить родителей чем-либо, ни угодить им было просто-таки невозможно. А плохо было тогда от того, что не знал: «враги человеку домашние его».

Конец августа. Детский сад опустел по-осеннему. Всех уже забрали, увезли в Москву, всех — кроме Саньки. Сидит мальчишка на крыльце в немоте, словно оглушенный, смотрит неподвижно в пустоту узкой пожелтевшей аллеи. И видит: появляются двое, приближаются, радостные, веселые. Вроде бы — родители. Но не шевельнулся, словно не признавал. Тормошат его, целуют, смеются. А он — никакой, отмалчивается. Обиделся? Да нет, просто ушел в себя, замкнулся. Привезли его домой, всучили какие-то игрушки. А ему все безразлично. Тогда-то и забросили Саньку впервые с ночевкой на Тверской бульвар, 25 в квартиру 7 — к веселому деду Мише и бабушке Даше.

67) Валентин мог бы повторить за Стендалем: «Я вижу ясно, что многие писатели, пользующиеся большой славой, крайне плохи».

И опять он на раскладушке без сна. За столом под лампой девочка читает книгу — младшая сестра отца. Санька грызет ногти и плачет: вдруг стало ясно ему, что не вечен он, что смерть неизбежна. Подходит девочка, гладит по голове, утешает.

— Почему ты плачешь? Плохо без папы и мамы?

Да, говорит, плохо, не желая открывать ей настоящую причину слез — мысль о неизбежности смерти.

Утром он один в комнате. Солнце освещает потертый паркет. Очень уютно на Тверском. Листает Санька книгу, рассматривает иллюстрации к сказке «Щелкунчик». Полчища крыс его ужасают.

В конце августа 62-го поехали втроем на Черное море — в Сочи. Мать читала в купе Андре Моруа, Санька листал «Атлас мира», с особым любопытством изучая карту Италии: что за «сапог» и откуда взялся? Валентин всю дорогу простоял в коридоре у окна — молчаливый, сосредоточенный. Несколько дней прожили в городе, поразившем мальчишку знойным, лениво-праздничным видом, пальмами, кипарисами, магнолиями. Впервые увидел он море с горы — никакое не «черное», а темно-синее в белой ряби. «Это — барашки...», — объяснили родители. Ужинали в ресторане. Санька тут же опрокинул бокал с лимонадом на белую скатерть. После ужина уложили в постель в чужом доме и утопали куда-то вдвоем. Через день-другой перебрались на бывшую сталинскую дачу «Зеленая роща». Вдвоем с отцом осматривали апартаменты генсека. Волнение Валентина передалось и сыну. Место это — волнующее непонятно почему — Санька сразу же полюбил. Нравилось ему карабкаться в гору, с опаской вглядываясь в заросли бамбука, обрывая зеленые еще мандарины, впитывая запахи сосен и кипарисов. Но больше всего восхищало, конечно же, изумрудное море. Влекли к себе таинственные пещеры с пахучими коричневыми водорослями. Запомнились ароматные ночи с журчанием фонтана, летающими светлячками и пугающим воем спускавшихся с гор шакалов. Вернувшись в Москву, долгое время рисовал море и пальмы, море и пальмы и прикладывал к уху большую оранжевую раковину, вслушиваясь в таинственный шум прибора.

Как-то дождливым сентябрьским вечером отец заехал за сынишкой к деду — на Тверской бульвар, где тот жил несколько дней после возвращения с юга.

— Поехали на новую квартиру.

— А где она?

— На Бутырском хуторе.

Санька заинтересовался. Чудное название. Доехали на 3-м троллейбусе до улицы Яблочкова и потопали по темной, безлюдной дороге в лужах. Тьма кромешная. Слева — какие-то заросли, кочки, черные омуты. Попахивало тиной.

— Что это? — спрашивает он у отца, державшего его за руку.

— Болото.

Добрели до пятиэтажки, поднялись на 4-й этаж. Квартира 42. Утром он один в новой, непривычно просторной квартире с кладовочкой и кухней, без соседей. За окном — бабье лето. Сидит на паркете, залитом солнеч-

ным светом, сверлит досочку, строгает, мастерит что-то. Рядом рассыпаны новенькие немецкие инструменты: лобзик с красной деревянной ручкой, плоскогубцы, долото, черные кусачки. Пахнет свежей древесной пылью, стружками. Спокойно Саньке, уютно, хорошо.

Та осень тянулась бесконечно долго. По выходным гуляли всей семьей в Ботаническом саду. Отец был мрачен и молчалив. Иногда прабабушка посылала Саньку в фургон за хлебом, разрешая оставлять сдачу себе — в подаренном ею кожаном коричневом кошельке. Ух, и попало же ей за это от матери! Ходили с бабушкой в магазин канцтоваров на улице Добролюбова, где она покупала любимому правнуку пахнувшие типографской краской тетради, пластилин, цветные карандаши, заглядывали в кулинарию, где мальчишка получал еще и кекс с изюмом. Что бы прабабушка ни делала, все было не то и не так на взгляд внучки ее Алины, все вызывало недовольство: и недостаточно тщательно убранная квартира, и безвкусный картофельный суп, и воспитание правнуков. Как-то купили с ней Маринке к Новому году плюшевого медведя — опять не угодили... Однажды прабабушка не выдержала травли, заплакала, побросала свои вещички в простыню, связала узлом: хотела бежать с Бутырского хутора куда глаза глядят. Санька звонил из будки отцу на работу, звал на подмогу. Вскоре после этого скандала старушка сломала ногу, слегла. Саньку устроили в детский сад у Савеловского вокзала, а прабабушку-бунтовщицу отправили в Сталинск-Новокузнецк к дочерям — бабе Зое и Гале.

Зима 1963 года. Просыпались и вставали нехотя. Еще темно, а дворники уже разгребают под окнами снег, скоблят тротуар. Приятные, умиротворяющие звуки. Завтракали с отцом на маленькой кухне. За окном синело утро. Ехали в переполненном автобусе № 18. Санька — в мечтах о своей новой детсадовской любви — Лене Зуевой...

Май в том году выдался жаркий. Шли с отцом от Савеловского вокзала домой пешком. Валентин покупал Саньке газированной воды, себе — жигулевское пиво, дал раз и сынишке попробовать. Дома тому не сиделось. Бежал на болотце — ловить тритонов. Наловит несколько штук и выращивает их в банке, прикармливает, выпустит назад в болото и начинает ловлю по новой. Очень нравилось ему это занятие. Любил подолгу смотреть в глаза тритону, замиравшему в банке, словно в параличе. Было что-то зловеще-загадочное в распластавшемся на стеклянной стенке маленьком чудовище.

В августе родители решили подбросить Саньку на Тверской бульвар, 25, чтобы и жил там, и учился. 1-го сентября отправился малец с бабушкой Дашей в школу на Малую Бронную, в первый класс. После уроков — акварели или прогулка по бульвару, сбор желудей, из которых потом делали с дедом лошадок. Или, если дед в институте, — чтение на любимом диване. Прочитал Санька засаленную книжечку, принесенную отцом из библиотеки Дипакадемии, — о предках наших троянцах⁶⁸, которых называли в Европе гетами-руссамы, обитавших после разорения Трои в Великой Скифии, «земле Магог», и в Этрурии, занимавшихся мореходством и пиратством,

68) В троянской войне Аполлон-стреловержец, водитель судьбы, помогал троянцам.

совершавших набеги на Иран, доходивших до Индии, Испании и Египта, бравших в жены прекрасных иудеек, рождавших народу своему пророков-арийцев и царей иудейских. Прочитал — ничего не понял, но запомнились ему имена сыновей царя Приама — Гектора, Париса, Дийя, Троила и дочерей его — Кассандры, Поликсены и прекрасной Лаодики. И запала в душу тоска по неведомой родине древних героев. Попросил отца сделать лук со стрелами и круглый щит, сам себе выстругал короткий меч и не раз засыпал на Тверском в смутных мечтах о походной жизни и поиске красавицы невесты.

Освободила же его от этих сладостных грез другая книга, подаренная теткой отца через год, — «Приключения Гекльберри Финна». Спешил Санька-второклассник после школы домой, чтобы скорее расположиться на диване в кухоньке и, посасывая сахар, запивая его кипяченой водой, плыть на плоту по Миссисипи вместе с Гекком и Джимом. А когда летом 65-го оказался опять в Сталинске-Новокузнецке, поселился на даче у Глеба Сергеевича на Бунгуре, то первым делом сколотил себе плот для путешествий по узкой, мелководной, заросшей ивняком Бунгурке. Любил он, как и отец его в детстве, порыбачить на рассвете. Бунгурка, конечно, не древний Аракс, не Волга, и рыбешка в ней так себе — пескарики. Но удовольствие от рыбалки немалое. Возвращаясь с уловом, Санька радовался слепившему солнцу, звонкой тишине влажного утра, блиставшей россыпи белых камней, на которых грелись неподвижные ящерицы. И часто замирал он, глядя на них, сдерживая аполлоническую жажду охоты. А в июле прилетели из Москвы родители и уже вдвоем с отцом ходили на Бунгурку. Объяснял ему Валентин, как ставить мордушку с хлебом, собирая в банку мальков, и где лучше ловить на живца. Однажды вышли из дома еще до восхода, пробирались через высокие мокрые травы, через ельник. Спугнули большую полярную сову. Та, всполошившись, пролетела мимо, едва не задев Саньку крылом.

— Эх! Жаль, лука не взял, — воскликнул в досаде Санька. — Подстрелить бы такую!

— Не жалея, — успокоил отец. — Этих птиц нельзя трогать.

Возвращались же с уловом домой, когда солнце взлетало ввысь и заливало радующим светом своим дорогу вдоль реки, склоны, заросшие вереском. Санька брал отца за руку, как на «Соколе» в детстве, и чувствовал себя самым счастливым человечком на земле. Валентин как-то раз сорвал веточку полыни, растер на ладони и спрашивает сына:

— Слышишь запах? Вот так же горька жизнь, и так же дурманит... Запомни этот аромат.

Прав был поэт: горечью полыни пропитана русская жизнь... Не раз убеждался в этом Александр, когда уже без отца бродил по пустынным, безрадостным дорогам вечно нищей России и вдыхал, как в детстве, дурман растертой на ладони полыни. Ясная Поляна, Спасское-Лутовиново, Феррапонтово, Каргополь, Таруса, Шахматово и всякие иные, святые для него

места забытой Богом страны вспыхивали в сознании, как только он чувствовал полюбившийся ему в детстве запах полыни⁶⁹).

Раз приехал в субботу на Бунгур Андрияха — младший семнадцатилетний сын зама Глеба Сергеевича, пошел с карабином в лес. Вернулся через час с убитой совой. Так и нес ее, бездыханную, за крыло. А Санька смотрел на охотника с изумлением и завистью.

В тот же день, кажется, собрались на большую рыбалку — в тайгу, на Чумыш. Ехали несколькими машинами, с ночевкой. Запомнился Саньке вечерний чай со смородиновым листом у костра. Запомнилось, как нырнул с берега в реку, и закрутило его в водовороте, заглотнул Чумыш. Отец, как был, в одежде, бросился в воду за ним, вытащил захлебнувшегося, ошалевшего от неожиданно подступившей смерти мальчишку и говорит:

— Хорошо — папа был рядом. Сам не выплыл бы? Думай в следующий раз, прежде чем прыгать, соображай, черт тебя побери! — и дал ему подзатыльник. Алина же прижала к себе, поцеловала, пожалела.

— Ложись, погрейся на солнышке. А я тебе почитаю, — и давай читать вслух своего любимого «Вия». Санька слушал-слушал про философа Хому Брута и заснул, пригревшись, так что самую жуткую сцену с летавшей в гробу панночкой пропустил мимо ушей, а зря.

В августе что-то случилось у Глеба Сергеевича. Позвонил ему из Москвы премьер Косыгин Алексей Николаевич⁷⁰). Надо, говорит, ехать в Индию, помочь индусам восстановить доменную печь на Бхилайском комбинате. Просьба Индиры Ганди. Что ж тут скажешь? Засобирались дед. Проводы устроили на Бунгуре же. Съехались сослуживцы. Сколотили столы, накрыли прямо под соснами. Специально по такому случаю устроили иллюминацию: гулять — так гулять до утра. Повеселились и ребятишки. Безумная была ночь, с песнями и плясками под усыпанным звездами сибирским небом. Остывали, бросаясь в туманившуюся Бунгурку, и опять пили не закусывая, и пели до хрипоты.

— Что тебе привезти из Индии? — басит под утро захмелевший дед.

— Лук со стрелами, — выпалил Санька. — Только настоящий!

Улетел Глеб Сергеевич с бабой Зоей в Индию. Санька же с родителями вернулся в Москву. Через год прилетают старики в Москву. Глеба Сергеевича кладут в ЦКБ на обследование. Так и есть: рак! Не устоял сибирский здоро-

69) Скорпион, как правило, — существо с развитым обонянием, астрологически предрасположенное к обостренному восприятию «мира запахов». Занимаясь глубинной психологией, А. Хоров понял, что каждый привносимый в материальную жизнь смысл тут же обрастает запахами, вкусовыми ощущениями, зрительными образами — «рисунками ума» и звуками, становится осязаемым фактом сознания. Толкование вещи как всего лишь «комплекса восприятий» свидетельствует об «ученом незнании», ибо знание — это всегда видение смысла воспринимаемой вещи, а не представление о чем-то.

70) Косыгин Алексей Николаевич (1904–1980) — выдвиженец И. В. Сталина, «технократ», самый талантливый руководитель советской экономики послевоенного периода, с 1946 г. — член Политбюро ЦК, с 15 октября 1964 г. — председатель Совета министров СССР. Победа его реформаторской линии в Политбюро могла бы спасти СССР от кризиса в 1980-е гг. и краха в 1991 г. В июле 1968 г. выступил против предложения Ю. В. Андропова ввести войска в Чехословакию, в 1979 г. — единственный член Политбюро, возражавший против ввода советских войск в Афганистан.

вяк перед смертоносным солнцем Индии, сломался. Возвращается в Бхилаи сдавать дела. А индусы, боготворившие его, говорят: не спеши. И повезли его в джунгли — в древний буддийский монастырь. Завели в какой-то мрачный прохладный зал. Положили на каменный стол, усыпанный цветами. Глеб Сергеевич задремал, впал в беспамятство. Просыпается. Монах говорит ему:

— Вставай. Забудь о своей болезни. Не стремись к видимым почестям, и будешь жить до ста лет.

Глеб Сергеевич потом рассказывал, что испытал в ту минуту внезапное просветление. Возвращается в Москву. Ложится в ЦКБ на операцию. А оперировать-то уже нечего! Так он прошел через очистительный огонь болезни. На Тверском бульваре в 60-е годы бурно обсуждали эту историю, рассказанную бабой Зоей бабе Даше. Дед же Михаил Александрович говорил: «Чепуха! Басни все это...» Санька же долгие годы оставался в неведении о свершившемся чуде.

В 97-м отмечали 90-летие Глеба Сергеевича. Собрались на квартире в Москве сослуживцы, ученики, приехала делегация с подарками от комбината. Александр поинтересовался, жив ли бывший зам деда Глеба и чем теперь занимается его сын — тот самый бунгурский стрелок, убийца полярной совы. Говорят ему, зам давно помер, не смог пережить глупой гибели сына. Тот работал на комбинате, заглянул в остывшую доменную печь и остался без головы: обрушился ком шлака. Мать его, овдовев, сошла с ума от горя. Такая вот история: принес человек птицу в жертву неведомому богу и сам вскоре оказался жертвой со своими родителями. Может, и правда, сова та была божьим гонцом и не следовало ее трогать? Пожалел бы тогда юнец загадочную птицу — царицу ночи, — глядишь, и вышел бы из плавильной печи невредимым, в золоте и драгоценных камнях, как гласит древняя индийская легенда о металлургах. На сказку эту Александр наткнулся недавно, когда, следуя по стопам Юнга, стал анализировать психологически значимые мифы, разыскивать следы мифологической заданности в судьбе своего рода-племени.

VI. Отец

Проработал Валентин в Главном управлении восемь лет, дослужился до звания полковника, а все надеялся, что в один распрекрасный день сбросит маску, снова возьмется за книгу о корнях своих, опишет дерзания и злоключения рода Хоровых. Не тут-то было. Возник неожиданно тайный его покровитель, предложил поучиться пару лет в Дипломатической академии, защитить диссертацию. Посоветовался Валентин с Алиной. Одно слово «Дипакадемия» подействовало на нее завораживающе. Могла ли она мечтать, ютась в коммуналке на Цветном бульваре, о завидной участи супруги советского дипломата? Решили: надо соглашаться. К тому же у Валентина с детства задатки полиглота⁷¹⁾. Вступительные экзамены сдал без

71) Еще в Сталинграде Валентин начал изучать немецкий, английский, французский и испанский языки.

труда. Наконец-то появилось у него свободное время. Получил доступ к секретным архивам. Прочитал о первых концлагерях, созданных по указанию Ленина и Троцкого, о Соловках — острове смерти⁷²⁾, о десятках тысяч невинных русских людей, замученных и расстрелянных «комиссарами в пыльных шлемах», о большевичках-садистках вроде Доры Евлинской⁷³⁾, лично казнившей в Одесской ЧК 400 добровольно «зарегистрировавшихся» офицеров, о зверствах Бела Куна⁷⁴⁾ в Крыму. Вспомнил, как отец рассказывал ему о затопленной по приказу Сталина царицынской барже-тюрьме с заложниками. И понял: все это не отдельные случаи, это — Система, «государство концлагерей»⁷⁵⁾. С волнением пролистывал списки приговоренных к расстрелу граждан Царицына, ища знакомые казачьи фамилии. Господи, как жить в этой красной от пролитой крови стране? Знал бы он раньше об этой оборотной стороне «истории КПСС», иначе бы сложилась его судьба. Доучиться в Академии не дали. Причиной была, как он понял позднее, случайная встреча в Кисловодске. Алина тогда первый и последний раз отпустила его одного «на воды»⁷⁶⁾. Заглянул как-то после обеда Валентин в библиотеку и замер в дверях. В полном одиночестве листал какую-то толстую книгу заведомо по связям с коммунистическими и рабочими партиями соцстран секретарь ЦК КПСС Юрий Владимирович Андропов⁷⁷⁾.

— Ну, что же вы? Заходите...

Андропов дружелюбно улыбнулся, но голубые глаза его остались холодными как лед.

— Вот, — показал Валентину томик Лермонтова, — по-моему, нет ничего лучше в русской литературе XIX века.

— Да, особенно хороша «Тамань», — согласился Валентин. — Вы, наверное, бывали в доме майора Чилаева, где квартировал Лермонтов, и на месте дуэли под Пятигорском?

— Конечно. Только то была не дуэль, а убийство.

72) В 1920-е годы явственно обнаружилась некрофильская природа большевизма.

73) Сатанистка «Дора-перчаточница» служила в ЧК (по сообщению Г. Бостунича).

74) Бела Кун — потомок хазарских иудеев, венгерский коммунист, «красный», очищавший Крым — «Новую Хазарию» — от «белых».

75) Термин Н. Валентинова (Вольского) — философского оппонента В. И. Ленина.

76) Имеется в виду санаторий «Красные камни» в Кисловодске.

77) Ю. В. Андропов (1914–1984) — потомок хазарских иудеев, тесно работавший с «красными» венграми (в далеком прошлом — союзниками хазар, собиравшими для них дань с восточных славян), председатель КГБ СССР (1967–1982), организатор еврейского исхода из СССР (= «Египта») в 1970-е годы. Восходящий Скорпион в гороскопе Ю. В. Андропова для России под знаком Водолея означал достижение поставленных целей и завоевание вершин власти. Именно этот знак развернул космограмму Ю. В. Андропова на 180°. Активно использовал карательную психиатрию в борьбе с диссидентами. Усовершенствовал систему круглосуточного прослушивания на квартирах и госдачах советской номенклатуры. По его поручению была разработана информационно-аналитическая система слежения «СПЛАВ», позволявшая своевременно выявлять угрозы ядерного нападения и предсказывать возникновение опасных для страны региональных конфликтов. Подготовил своего преемника — М. С. Горбачева. В. В. Путин считал Андропова своим учителем, приезжал на Кутузовский проспект, 26 — открывать мемориальную доску.

— Я где-то читал, что Мартынов после смерти Лермонтова стал мистиком, занимался вызыванием духов умерших, часто бывал в подмосковных монастырях — служил панихиду «по убиенному рабу Божьему Михаилу».

— Да, темная история...

Разговорились. Андропов расспрашивал о Сталинграде, об отце, о маршале В. И. Чуйкове. Рассказал ему Валентин об учебе в Академии, о том, что поедет, скорее всего, в Англию. А тот возьми и спроси его, откуда строки:

Something is rotten in the state of Denmark⁷⁸⁾.

Валентин угадал, что строки эти шекспировские, из «Гамлета»⁷⁹⁾, но ответил по-английски скверно.

— Ну, молодец, молодец, — улыбнулся Андропов. — Но с таким английским в Англию ехать нельзя. Раз у тебя немецкий базовый, нужно сделать ставку на Германию... — И посмотрел на Валентина через толстые стекла очков испытующе, долго.

И тот заглянул в черные зрачки Андропова и внутренне ужаснулся дохнувшей холодом Бездне.

Через несколько дней Валентин улетел в Москву. Взялся за диссертацию — о спецоперациях советской разведки в Средней Азии. Защититься ему Андропов не дал. Выдернул из Дипакадемии, оформил на работу в свой отдел, и начал мотаться Валентин то в Чехословакию и Польшу, то в Венгрию и Болгарию, но чаще всего — в ГДР, где пару лет просидел в Карлхорсте⁸⁰⁾.

Для Алины жизнь стала поинтереснее: перешла на работу в редакцию партийного журнала и зачастила, правда, не в служебные командировки, а все больше в турпоездки. И разглядела она «звериный оскал империализма» невооруженным глазом, и полюбился ей этот оскал, захотела она стать свободной женщиной. В Венеции в 66-м отстала от группы и всю ночь с офицериком КГБ на гондоле каталась. Ну, и получила в Москве взбучку от Валентина⁸¹⁾. И задумала «наказать» мужа, отомстить ему за неинтеллигентное поведение. Не знала она и подумать даже не могла о том, что, пока она осматривала достопримечательности Италии, вернулась к Валентину первая его любовь — явилась прямо в его кабинет на Старой площади Вера, расставшаяся со своим Климом, который к тому времени стал известным кинорежиссером, и плакала, и жалела о сталинградском прошлом. И решил тогда Валентин: надо бросать Алину — свою «деревяшку», ибо «что за жизнь без любви»?

Поехал на Тверской, к отцу и матери — объявить о своем решении. Мать ему: «А как же Санюха? Пожалей мальчика, не ломай ему жизнь. Нет у нас

78) «Прогнило что-то в государстве Датском».

79) В декабре 1955-го в Москве гастролировал Английский драматический театр. Валентину удалось тогда увидеть «Гамлета» в английской версии.

80) Германское («судоплатовское») направление всегда было основным в работе русской и, позднее, советской разведки. Таковым оно осталось и в правление В. В. Путина, бывшего сотрудника 4-го отдела ПГУ КГБ СССР.

81) Валентин тогда не догадался о подлинной причине раскованности супруги, которая, видимо, уже давно вела свою «игру с огнем» и отнюдь не из праздного любопытства приглядывала за мужем.

другого продолжателя рода...» А отец: «Не делай глупость — испортишь карьеру...»

Забросил Валентин свою диссертацию, поехал с Санькой на Левобережную с удочками, чтобы обдумать все еще раз и принять окончательное решение. И пахнул в лицо ему апрельский левобереженский лес. Поразил его горькой свежестью запах оттаивавшей земли, и напомнили стройные сосны о любовном помешательстве 1952-го, когда бродили они здесь с Алькой и целовались неустанно. А Санька, поглядывая на помрачневшего в раздумьях отца, бегал от дерева к дереву, прячась, стараясь привлечь его внимание. И, глядя на сынишку, одумался Валентин и оставил мысль о разводе. Вспомнилось ему, как с двухлетним малышом шел к метро «Сокол» мимо Всехсвятской церкви и Санька спросил его: «Пап, это *дворец?*...» Вера, первая его сталинградская любовь, вскоре снова исчезла из его жизни — внезапно, без объяснений, как всегда. Как-то повел Валентин Саньку в кинотеатр «Москва» на премьеру комедии для пионеров и школьников, которую отснял земляк его и соперник — Клим. Ну, и нахохотался же Санька. А отец вышел из зала хмурый. «Понравился тебе фильм?» — спрашивает с раздражением у сына. Не знал тогда Санька, что отец ничего и не разглядел на экране: полтора часа думал о своем, вспоминал лето 49-го в Латошинке, первую жаркую любовь свою — Веру. Клим же, как выяснилось через 30 лет, бросив Веру, все-таки встретил свою «невозможную невесту», златокудрую русскую мадонну, и, окрыленный, начал снимать фильм о нашем «влечении к невозможному» да так и не завершил труд жизни: возлюбленная его разбилась в автокатастрофе. Клим посидел в несколько дней, сморщился, запил. То было темное русское пьянство — медленное самоубийство... Валентин с ним отношений не поддерживал, хотя знал, что земляк живет в той же сталинской высотке, что и его сталинградская тетушка-снайпер. И тоже пил горькую в одиночку — вроде без особого повода, а так — заглушить тоску томившегося в богатырском теле гения.

В мае 1967-го высокий покровитель Валентина переехал со Старой площади на Лубянскую⁸²⁾, сталинградец В. А. Крючков⁸³⁾ стал у него начальником секретариата. Вскоре и Валентин пошел на повышение, получил звание генерал-майора за активное участие в предотвращении госпереворота

82) В 1966 г. Ю. В. Андропову, как секретарю ЦК, поручили курирование КГБ. Его переход на работу в КГБ был инициирован Л. И. Брежневым, создавшим таким образом противовес своему противнику в Политбюро А. Н. Косыгину.

83) Крючков Владимир Александрович (1924–2007) — тень Ю. В. Андропова (29 лет вместе), помощник председателя КГБ, начальник Секретариата КГБ, начальник ПГУ КГБ и с октября 1988 г. — председатель КГБ СССР. Чудом выжил в первую бомбардировку Сталинграда 23 августа 1942 г. После 5 лет работы в прокуратуре Кировского района Сталинграда был направлен на учебу в Высшую дипломатическую школу МИД СССР, где освоил немецкий (его набожная бабушка по отцовской линии — Лидия Яковлевна Шрайнер — была немкой) и венгерский. Работал в венгерской референтуре МИД, с октября 1955 г. — в советском посольстве в Будапеште под руководством Ю. В. Андропова. С 1959 г. — референт, затем завсектором по Венгрии и Румынии возглавляемого Ю. В. Андроповым отдела ЦК КПСС по связям с рабочими и коммунистическими партиями социалистических стран, помощник секретаря ЦК КПСС Ю. В. Андропова.

в одной из дружественных нам стран. И сам Председатель вручил ему 20-го декабря орден, пятизарядный тульский карабин и ордер на трехкомнатную квартиру в номенклатурном доме на Воробьевском шоссе.

Сбылась мечта Алины. Переехали перед новым годом Хоровы из своей «хрущобы» в новую уютную квартиру и началась у них новая жизнь с неизвестными им ранее удовольствиями, частыми застольями, красными винами из магазина «Варна», более яркая и насыщенная впечатлениями жизнь, чем прежде. Санька это остро чувствовал, потому что его наконец забрали с Тверского, Маринку привезли из Сибири от бабушки, и они теперь вместе с сестрой ходили в одну школу. Он в пятый класс, она — в первый. Тогда же в декабре съездили всей семьей в новый цэковский пансионат на Клязьме. Санька впервые увидел бильярд. Отец научил его держать кий, раскрыл и кое-какие секреты игры. Главный же из них: как и в поединке, когда наносишь удар мечом, важна победная направленность волевого импульса. И долго после этой поездки снилось мальчишке зеленое сукно и сверкали во сне разбежавшиеся от удара костяные шары, и часто ни с того ни с сего, даже во время какого-нибудь урока, видел он, как трепыхался в белой сеточке забитый в лузу красный шар.

Первая весна на новой квартире переживалась острее, чем на Бутырском хуторе с его болотцами. Зазеленели Воробьевы горы, поманила засверкавшая по-весеннему Москва-река, распустились липы на Воробьевском шоссе. Не раз утром топал Санька в школу, радостно поглядывая по сторонам, а слева шел не спеша в расстегнутом сером плаще со шляпой в руке Алексей Николаевич Косыгин⁸⁴⁾ — сосед из дома напротив. За ним медленно катил черный бронированный «ЗИЛ» и следовала на почтительном расстоянии охрана.

Задумался Санька о своем будущем. Кем же ему-то стать? Химия его поначалу очень интересовала. Химичил он с большим удовольствием и в школьной лаборатории, сформированной семеновским институтом, и дома, — так что мать Алина криком кричала, почуяв запах серной кислоты, расплзавшийся из детской. В конце концов, пришлось перенести эти занятия в химическую лабораторию Дворца пионеров на Воробьевых горах, но там Санькин исследовательский пыл быстро охладили скучной теорией и запретами на экспериментирование с веществами. В седьмом классе к столетию открытия Периодической системы элементов сочинил он по заданию учительницы химии пьесу «Сон Менделеева». Роли элементов сам распределил между одноклассниками. Почувствовал себя и драматургом, и режиссером. Пока репетировали, подружился с Лешкой Бухановым из

84) А. Н. Косыгин один уцелел из ленинградской тройки молодых сталинских выдвиженцев, проходивших по инспирированному в 1949 году Г. М. Маленковым «ленинградскому делу». Первый зам. председателя Совета министров СССР, председатель Госплана Н. А. Вознесенский и курировавший абакумовское Министерство госбезопасности начальник Управления кадров ЦК ВКП(б) А. А. Кузнецов (предполагаемый преемник И. В. Сталина) были расстреляны. И. В. Сталин не позволил арестовать «Косыгу», входившего в 1949 г. в «великолепную семерку» высших руководителей партии и государства. В дом на Воробьевском шоссе, построенный для Л. И. Брежнева, А. Н. Косыгин переехал с улицы Грановского после смерти жены Клавдии Андреевны.

7^б класса. Тот стал снабжать его экзотической литературой из запасников своего отца, 50-летнего полковника КГБ, вдовца, сумасброда, смуглого, как индийский факир, с жгучим, сверлящим взглядом. Так получил он ксерокопию книжки о бхакти-йоге, изданной в Риге. Узнал о безмерной и неизъяснимой любви к Богу, преображающей все существо человека, дарующей вселенскую память-зрение и исполнение всех желаний.

Буханов-старший был одержим поиском эликсира бессмертия. Сварит себе в пятницу какое-нибудь зелье и пьет неделю по ложечке натошак. Или заварит диковинные травы в растительном масле, выльет в ванную и сам залезет в это варево, отмокает. Вонь — на всю квартиру. Но домашние терпят: ведь папаша стяжает драгоценное здоровье и долголетие. К Саньке полковник проявлял неподдельный интерес. Зайдет, бывало, мальчишка за другом, а папаша Буханов выглянет с половником из кухни, где варит себе черепаший суп, и всякий раз засыпет вопросами:

— Как мама, как папа? Поедете ли на Клязьму в выходные? Будете Пасху отмечать?

Сам никогда ни на какие вопросы не отвечал, забивал, глушил своими «приветами». Хитрый был мужичок, изворотливый, как угорь. Дверь входную укрепил тяжелыми, замысловатыми засовами. Врезал замок и в дверь своей спальни, потому как хранил там, по словам Лехи, целый арсенал огнестрельного оружия. Кого он боялся — непонятно. Время было мирное, безмятежное. Видно, воспринял всерьез предостережения «Вед» о шести видах злодеев: отравителях, поджигателях, нападающих со смертоносным оружием, крадущих имущество, завладевающих чужой землей и похищающих чужих жен. Последние два вида ему не угрожали, а вот первых четырех боялся не на шутку — с тех пор, как пятнадцать лет назад чудом выжил после падения Берии⁸⁵). Тогда-то и решил прожить до 150-ти и стал собирать рецепты долголетия.

Весной приятели стали реже встречаться. У Лехи появились девицы — все старше его. Он по примеру отца изменил свой образ жизни, стал принимать травяные ванны, пристрастился к сырым яйцам, начал практиковать бхакти-йогу и постигать «таинство соития». Санька же увлекся теорией. Бхагавад-Гита помогла ему открыть «сокровище сокровищ» в собственной душе, ощутить «вкус вечного» и вступить на путь искания «сокровенного знания». Читая сказание о «великом лучнике» Арджуне, вспоминал, как отец с трех лет учил его в Малаховке стрельбе из лука. И с изумлением обнаруживал в себе свойства божественной личности: бесстрашие, простоту, правдивость, отвращение к насилию, свободу от алчности и зависти. Беспокоило его лишь стремление к славе и мучила гордыня. От этих двух греховных качеств предстояло избавиться. Время есть. Надо работать над собой, совершенствуя дарованные свыше способности. Более же всего озадачивало и волновало его

85) Полковник КГБ А. С. Буханов знал отца Алины по работе в Ташкенте в 1941–1942 гг., в 1960–1980-е гг. был соседом Хоровых на Воробьевке и в Кунцево, по-соседски интересовался делами Алины и ее семьи. Имел богатую библиотеку эзотерической литературы, которую постоянно пополнял за счет конфискуемых у диссидентов «тамиздатовских» текстов. Публиковал собственные стихи в издательстве «Малыш».

в открывшейся духовной традиции учение о перевоплощении душ. Ему иногда мерещилось, что он был участником какого-то древнего кочевья, снились ему табуны необъезженных лошадей. Напрягая мысленный взор, старался разглядеть в туманах беспредельного прошлого контуры и облики своего бессмертного «Я». Тщетно.

VII. Любовник Слова

Новые, не книжные ощущения возникли в июле 1970-го в подмосковном Абрамцеве. Как увидел он дом с мезонином, сбежал по тропинке к заросшему тиной пруду, защемило сердце — будто нахлынуло на него какое-то мучительно-сладостное воспоминание о далеких, безмятежных годах, проведенных в аксаковской усадьбе, о том, как слушал (он ли сам или кто другой?) Николая Васильевича Гоголя, читавшего вслух в полумраке гостиной при свечах главы из «Мертвых душ», о белых и розовых платьях, волнующе мелькавших меж лип в аллеях парка, и о своей влюбленности. Только вот в кого? Этого он не мог припомнить. И искал взглядом девушку, похожую на Ту, первую свою любовь, из прежней жизни. Кажется, она была похожа на Веру Мамонтову — увековеченную Серовым «девочку с персиками». Эта увиденная им впервые в Абрамцеве картина взволновала его необыкновенно. Он вдруг почувствовал, что запечатленный художником августовский день в Абрамцеве и кареглазая девочка в розовом — лучезарные знаки какой-то безмерной радости, которой была полна будничная жизнь здесь, именно в этом благословенном месте. И персики на картине — плоды, дарующие бессмертие, — подтверждали догадку о сущности русского солнечного рая. С тех пор Абрамцево влекло его непреодолимо. Не раз приезжал он сюда то с одной, то с другой своею подругой, словно хотел испытать их чуткость, восприимчивость к чарующему лесному духу этой земли, к блаженной простоте абрамцевского неба или чтобы бездумно вкусить «радость жизни Эдемской». В октябре заехал Санька на Тверской — поздравить деда с днем рождения — и наткнулся, роаясь в книжном шкафу, на запыленный томик Александра Блока — из берлинского собрания сочинений 1923-го года. Открыл и прочитал:

На Вас было черное закрытое платье.
Вы никогда не поднимали глаз.
Только на груди, может быть, над распятым
Вздыхал иногда и шевелился газ.

У Вас был голос серебристо-утомленный.
Ваша речь была таинственно-проста.
Кто-то Сильный и Знающий, может быть, Влюбленный
В Свое Созданье, замкнул Вам уста...

И понял Санька, что блоковские слова — про Нее, которая должна появиться и в его жизни. С томиком Блока он с тех пор не расставался, выискивая в нем знаки таинственной внутренней жизни — *Вечерней зари*, заплавшей для него в Абрамцеве. Прочитал позднее статью Блока о В. Соловьеве

«Рыцарь-монах», попросил деда принести из библиотеки Литинститута соловьевские стихи. И твердил неустанно, словно заворуженный:

Земля-владычица! К тебе чело склонил я,
И сквозь покров благоуханный твой
Родного сердца пламень ощутил я,
Услышал трепет жизни мировой...

В книге «Оправдание добра» нашел слова, подкреплявшие его врожденные склонности к аскетизму и сострадательному общению с болеющими, слабыми, незащищенными. С новой силой потянуло его опять на «Сокол». Стал бывать на службах во Всехсвятской церкви. Валентин сдержанно наблюдал за увлечениями сына, не вмешивался. Только говорил Алине: «Санька выпал из реальности. Стал мистиком...» В декабре же, в день сталинской конституции, всей семьей отдыхали в пансионате на Клязьме. Отец сражался в бильярдной с бывшим куратором — грузинским чекистом, а Санька, несколько охладевший к игре, читал бальзаковскую «Шагреневую кожу» в холле у фонтанчика.

И тут появилась Она. *На ней было черное закрытое платье...* с белым кружевным воротничком. Она прошла с книгой медлительно-плавно и скрылась в библиотеке. Санька вскочил в смятении, сел, опять встал. Он знал эту девочку — Катю Истомину, годом старше него, из 9^а класса, но такую прекрасной она показалась ему впервые. Видимо, до этого момента он был просто слеп, смотрел на нее невидящими глазами, не подозревая, что именно она — его Прекрасная Дама. Что он ей тогда лепетал, когда Катя снова появилась в холле, трудно воспроизвести. Катя слушала с интересом. Они отправились на прогулку и забрели по первому снегу далеко, в еловый лес за ручьем, где в загончике паслись косули. И Катя очень мило поговорила с ними, покормив хлебом, приласкав одну из них своею маленькой, чудной рукой. Как же Саньке тогда хотелось ощутить божественно-нежное прикосновение ее руки!

В Москве она повела себя непонятно — словно не знала его вовсе. Пролетала со школьными подругами по коридору, смеясь, не глядя на ошалевшего мальчишку. Но зато вечерами благосклонно выслушивала его бессвязные речи по телефону. И долго-долго стояла у окна в своей комнате на шестом этаже и смотрела на него, «дежурившего» внизу у липы, не сводившего глаз с ее окна. «Я — Молчание, которое нельзя постичь...», — словно говорила она. Шестой этаж. Шестое чувство...

Ты была у окна
И чиста, и нежна.
Ты царила над вечной толпой...

В пятницу 11-го декабря Катя согласилась погулять на Воробьевых горах. Вечер был влажный и душистый от свежего, только что выпавшего снега. За Москва-рекой светился каток и пел Адамо — тоже о снеге. Катя, полковничья дочь, в беличьей шубке, в белой вязаной шапочке, была в тот вечер невыносимо-прекрасна, загадочна и молчалива. Невидимая со стороны улыбка озаряла изнутри все ее существо. А Санька на подъеме своей плато-

нической любви болтал без умолку — о Рафаэле де Валантене, непризнанном гении, вступившем в пространство игры, о мопассановской «Иветте» и еще о чем-то не о том. Ушла Катя домой около одиннадцати. Хлопнула дверь в подъезде ее дома, загудел уносивший ее лифт. А Санька все стоял, не уходил, вглядываясь в божественный след от ее маленькой ножки на снегу, и внезапно потоки Света обрушились на него, и весь мир вокруг засиял в Свете этой первой любви⁸⁶). Так Бог обнаружил перед ним свое присутствие «достоверно, зримо и ободряюще».

Санька вернулся на Воробьевы горы и бродил по снегу один, изумляясь воссиявшему для него Свету, который «воссоздает сам себя». Все, что было до сих пор, — не жизнь, думал он, а вот теперь только началась настоящая Жизнь! Жизнь — это Свет любви, который переполняет тебя и по-новому освещает все: этот снег, липы, скованный льдом прудик и необъятное небо над головой... Вернулся он домой за полночь, но заснуть не смог. Открыл окно и замер в созерцании заснеженной, безлюдной Москвы, пахнувшей необыкновенно, по-весеннему, как в марте, может быть, оттого, что было сыро, подтаивало. Чувство, захватившее его, не давало ему покоя, томилось в теле, рвалось наружу, к звездам. А тело мешало, тяготило. Хотелось сбросить его и лететь, лететь... Но с Божьей помощью устоял мальчик, не потерял равновесие, удержал себя от бессмысленного прыжка. Неспроста, видно, Господь даровал ему «огненное тело» в год небывалых на Земле солнечных бурь. Так, без особой подготовки, нечаянно вступил он на тяжкий путь осознания своей духовной миссии. Утром совершенно новыми глазами он смотрел на родителей, на школьных своих товарищей, на все.

Любовь — любовью, но и о будущей своей карьере юриста Санька не переставал думать, хотя и думал о ней как-то параллельно тому самому важному, что совершалось в его душе. Отец в эти его задушевные тайны не вникал, но регулярно, по пятницам, выдергивал его из платонических мечтаний и опускал на землю:

— Пойдем. Покурим, — предлагал он.

Они выходили на лестничную площадку, где точно никто не мог их подслушать, и простаивали там по два-три часа. Валентин рассказывал пятнадцатилетнему сыну о своем сталинградском детстве, о деде Саше, которого боготворил, о том, как подводили под расстрел отца в 49-м и как удалось с помощью Маленкова закрыть «сталинградское дело», называл фамилию доносчика, процветавшего уже в Москве при Брежневе⁸⁷).

— Представь себе, что меня нет, — говорил он. — Ты совершенно один, без прикрытия. Что будешь делать?..

Санька мычал в ответ что-то невразумительное, отвечал столь же неопределенно, как отец спрашивал.

86) В восточной мистике такого рода опыт получил название «мгновенное просветление».

87) В 1970–1980-е гг. доносчик работал на Смоленской площади — во Внешторге. У Валентина была возможность отомстить ему за отца, использовав свое хорошее знакомство с министром Н. С. Патоличевым, но он не воспользовался случаем.

— Санек, ты пойми, никто за тебя думать не будет. Решение придется принимать самому. Самостоятельно! Сможешь?.. Знаешь, сколько вокруг тебя завистников? Спроси-ка себя, кто тебя окружает. Знаешь, кто твои соседи по этажу? Кто живет выше и ниже? Не знаешь. А должен знать! Должен знать всех, иначе... Не успеешь глазом моргнуть — сожрут с потрохами. Понял? А пока папа за тебя думает, гуляй, гуляй напропалую! Откажись ты от своих ночных бдений, пока не нажил какую-нибудь болячку. О спорте не забывай. Почему самбо забросил? Не нравится мне твое пренебрежительное отношение к телу. Ты что — в монахи собрался? Возьми девчонку... Мне бы очень хотелось, чтобы мой сын узнавал жизнь не по книжкам. Ну, пошли, мать, наверное, с работы вернулась...

Валентин не знал о том, что сын, плененный духом русского романтизма, вообразил, будто уже нашел свою Вечную Подругу — совершенное воплощение загадочного «вечно-женственного начала», о котором вычитал в дневниках кумира своей юности — Александра Блока. Лишь через пять лет Юнг подскажет ему, что Катя тогда была почти ни при чем, и дело было в нем самом, в его захваченности «архетипом Анимы». Но к блоковским стихам, дневникам и письмам он будет возвращаться вновь и вновь — вопреки убийственным развенчаниям психоанализа.

*Международная ассоциация «Русская культура» совместно с издательством «Алетейя» планирует издать роман А. Водолагина «Ворох, или Играющий с огнем» отдельной книгой в качестве приложения к альманаху и приглашает меценатов и просто добровольных пожертвователей к участию в проекте.
Контактные данные Ассоциации и редакции находятся в начале номера.*